

Дмитрий Савельев

Елена Кочергина

КНЯЗЬКИ МИРА СЕГО

роман

Дмитрий Сергеевич Савельев Елена Михайловна Кочергина Князьки мира сего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6298295

Аннотация

Действие романа происходит при президенте Медведеве. Старший лейтенант милиции Пётр Иваненко обнаруживает труп омерзительного существа, напоминающего пришельца. Милиционера вербует Федеральная Служба Безопасности и даёт задание разыскать убийц, чтобы выйти на живых пришельцев. Это приводит к трагическим последствиям, в результате которых в душе Иваненко совершается переворот, и он ясно начинает видеть истину.

Авторы размышляют о политической ситуации в России и в мире, дают оценку действиям нашего правительства и оппозиции, а также современным опере и балету, творчеству Михаила Булгакова, Поля Верлена и Сальвадора Дали. Занимательный по форме, но глубокий по содержанию, этот роман предлагает задуматься над множеством экзистенциальных вопросов.

По законам классического детектива, всё, что происходит, видится глазами главного героя, камера ни на минуту не отводится от Петра Иваненко. И, приобщаясь к мировосприятию главного героя, читатель вместе с ним окунается в напоминающую

весёлого клоуна-убийцу атмосферу современных российских будней, расцвеченную неоном и взрывающуюся шутихами, и в то же время разъедающую человеческие души и растлевающую наших детей.

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	56
Глава 6	67
Глава 7	77
Глава 8	88
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Дмитрий Сергеевич
Савельев
Елена Михайловна
Кочергина
Князьки мира сего**

Посвящается внутреннему человеку

Предисловие

Возможно, у кого-то из читателей возникнет вопрос: почему мы назвали роман «Князьки мира сего», а, скажем, не «Метания старлея Иваненко»? Ведь внутренний мир князьков почти не живописуется, в то время как внутренний мир Иваненко живописуется со всеми отталкивающими подробностями. Никакой тайны здесь нет: причина была та же самая, по которой Джон Толкин назвал свой роман «Властелин колец», а, скажем, не «Миссия Фродо Бэггинса». Помнится, Саурону в трилогии Толкина тоже уделено немного внимания.

Также спешим донести до сведения любознательного чи-

тателя-инквизитора, что действие сей книги происходит не в нашем мире, а в параллельном, однако весьма близком к нашему. Да не введёт дражайшего читателя в заблуждение совпадение одних имён и несовпадение других! Мы знаем, что по теории вероятностей возможен такой мир, где некоторые существа сильно схожи с конкретными существами из нашего мира, другие же в той или иной степени отличны от своих двойников.

И последнее: не стоит искать в нашем романе «положительного» персонажа, чьё мировоззрение полностью совпало бы с мировоззрением авторов, – его нет. В миропонимании каждого из центральных персонажей есть червоточина, которая, по нашему мнению, может привести к плачевным для всех последствиям.

Д. Савельев, Е. Кочергина

Часть первая

По следам сатанистов

Глава 1

Вербовка

Пятого сентября в четыре часа дня группа быстрого реагирования в составе трёх человек, возглавляемая старшим лейтенантом милиции Петром Исааковичем Иваненко, выехала по вызову гражданки Ефросины Гавриловны Подрумянцевой на Рабочую улицу. Дежурный сообщил, что гражданка Подрумянцева, семидесяти двух лет, заявляет о возможном преступлении в соседней квартире, где проживает семья религиозных фанатиков. По её словам, супруги, живущие с ней по соседству, ведут себя замкнуто, не работают, с соседями не общаются и ведут активную религиозную жизнь, что выражается в странных песнопениях, доносящихся из-за стены, и наличии религиозных атрибутов, с которыми супруги неоднократно встречались ей на лестничной клетке. Около же получаса назад за стеной раздалась возня, и гражданка Подрумянцева в целях общественной безопасности приложила стакан к смежной с квартирой супругов стене и занялась прослушиванием. О чём говори-

ли за стеной, она не разобрала, но вскоре услышала истошные нечеловеческие крики, потом хлопнула входная дверь, потом слышались стоны и бульканья, похожие на призыв о помощи, потом всё затихло, и Подрумянцева стала звонить в милицию, подозревая, что кого-то убили. В «чёрный список» озабоченных правопорядком бабок, регулярно терзающих дежурных по малейшему поводу и без, Подрумянцева не занесена, и вообще звонит в первый раз.

По дороге милиционеры смеялись и рассказывали анекдоты, хотя у Петра Исааковича и сидело под сердцем нехорошее предчувствие.

– Наверное, какой-нибудь бородач-старовер отлупил свою непослушную жёнку! – смеялся сержант Кривов на заднем сиденье.

– Или кришнаиты впали в религиозный экстаз и стали вопить от счастья! – шутил из-за руля сержант Булыгин, лихо срезая углы по тротуарам.

* * *

– Милиция! – сказал в домофон Иваненко, и Ефросинья Гавриловна тут же открыла дверь.

Они с Кривовым поднялись по лестнице на четвёртый этаж и сразу же увидели следы запёкшейся крови на лестничных перилах и на ручке двери квартиры номер 64, где проживали супруги-фанатики. Гражданка Подрумянцева высу-

нулась в щель, но Иваненко попросил её спрятаться обратно, пообещав, что обязательно зайдёт к ней попозже. Дверь в шестьдесят четвёртую квартиру была капельку приоткрыта. Милиционеры достали табельное оружие и позвонили. Естественно, никто не ответил. Иваненко тихо зашёл в квартиру.

Кухня и первая комната были пусты. А в комнате со смежной с квартирой Подрумянцевой стеной лежал труп.

– Господи Боже мой! – сказал Иваненко и пошатнулся. Кривов, едва заглянув в комнату, выскочил и, усевшись на табуретку в прихожей, впал в небольшой ступор. Потом очухался, снова заглянул в комнату, снова сел на табуретку и снова впал в ступор, гораздо более продолжительный.

Иваненко судорожно рылся в карманах в поисках соответствующей инструкции.

Тело принадлежало не человеку. Это ощущалось всем нутром, и предположение, будто здесь поработал специалист по спецэффектам, в принципе не могло закрасться в голову.

Существо примерно метр двадцать в длину с зеленоватой переливчатой кожей и голым вытянутым черепом, когтистыми шестипалыми конечностями и вывалившимся длинным языком, одетое в странную серебристую одежду, лежало в луже фиолетовой крови с перерезанным горлом. Неподалёку валялся кухонный нож, вероятно, послуживший орудием убийства.

Иваненко передал дежурному по рации специальный код, а в ожидании представителей спецслужб сделал над собой

волевое усилие и осмотрел квартиру. Он обнаружил несколько икон с просверленными глазами у святых и написанными от руки чёрными символами на золотистых нимбах, два подвешенных кверху ногами креста (на голову Спасителя была намотана чёрная тряпица) и книгу «Сатанизм для избранных». Теперь стало понятно, КАКИЕ фанатики проживали в квартире.

* * *

Следственно-оперативная группа ФСБ прибыла минут через двадцать пять. Кривову дали понюхать нашатыря, а потом отвели в машину и куда-то увезли вместе с Булыгиным, а Иваненко майор ФСБ пригласил прогуляться по скверу, пока «ребята наводят порядок».

В душе Петра Исааковича поселилось устойчивое чувство, что он стал героем сериала «Секретные материалы».

– Что ж, старший лейтенант Иваненко, вам предстоит сделать выбор, и выбор непростой, – вкрадчивым голосом говорил майор. – Вы стали свидетелем неизвестного науке явления. И поскольку до сих пор вы не сотрудничали с нашей организацией, вам придётся пойти на сотрудничество, либо... либо вы откажетесь от сотрудничества. Но поскольку я верю в ваше благоразумие, я почти уверен, что вы пойдёте на сотрудничество. Я говорю с вами по-братски, без обиняков. В таких случаях, как этот, у нас нет времени для полноцен-

ной вербовки, для последовательного раскрытия всех преимуществ сотрудничества с нами и т. д. Можете считать, что вам не повезло, или, наоборот, повезло. Сути дела это не меняет...

– Я буду сотрудничать, – выдавил из себя Пётр, который уже давно всё понял и которого словоблудие майора утомляло.

– И вы даже не представляете, насколько тесным будет наше сотрудничество! – сказал майор. – В скором времени мы с вами свяжемся. Не надо говорить о том, что вы сегодня видели, ни жене, ни маме, ни сыночку. Ведь мы обязательно это узнаем.

– У меня нет жены и сыночка, – буркнул Иваненко.

– Да я знаю, знаю. Досье я ваше уже успел изучить. Три курса на философском факультете... Хорошее досье! И психика у вас устойчивая! Отправляйтесь домой.

– А кто будет за меня дежурство передавать, рапорт писать? И что будет с моими ребятами?

– Мы всё уладим. Кривова госпитализируем на несколько дней в специальную клинику. Нервный срыв вследствие переутомления. Вы же сами всё видели! В таком состоянии бывают галлюцинации, и Кривов сам в это поверит. Если, конечно, его никто не будет разубеждать. Но кроме вас, это некому сделать. Булыгина к вечеру отпустим, вашему начальству объясним ситуацию. Шпионский скандал в стране, все всё понимают! Служебный автомобиль мы тоже перегово-

ним. Не волнуйтесь ни о чём. Отправляйтесь домой, примите душ, поужинайте. Всего доброго!

* * *

Дверь квартиры старшему лейтенанту открыла маленькая живенькая старушка в ситцевом халатике и отороченных мехом тапочках. Взгляд её выразил удивление, но и радость от того, что сын раньше обычного вернулся домой.

«Как хорошо приходить в дом, где тебя ждёт любящее существо», – невольно подумал Пётр Исаакович, с нежностью глядя на свою мать – Людмилу Петровну Иваненко.

– Ты чего сегодня так рано? Всё в порядке? – спросила Людмила Петровна.

– Укороченная смена, – ответил сын, разуваясь и вешая форменную куртку в выдавший виды коридорный шкафчик.

– А почему такой бледный? Не заболел? – вдруг заволновалась пожилая женщина, внимательно вглядываясь в осунувшееся и какое-то постаревшее лицо Петра Исааковича.

– Да нет, ма, просто голодный. Покормишь?

– Иди переодевайся, я только что борщ сварила, с сахарной косточкой, как ты любишь! Закутала в полотенца, чтоб до девяти часов не остыл, а ты – тут как тут! У меня и сметана есть, рыночная! – засуетилась Людмила Петровна и побежала на кухню.

Пётр постоял ещё немного в прихожей, чтобы успокоить-

ся и привести в порядок свои чувства. Он никогда не позволял себе вываливать дома накопившиеся за день неприятные эмоции. Что бы ни произошло на работе и какие бы ни скребли кошки на душе у Иваненко, он всегда был спокоен и весел у домашнего очага, по крайней мере, выглядел таковым. Пётр ни на минуту не сомневался, что мама поверит в инопланетянина и не будет говорить о психическом срыве, но он до глубины души презирал тех людей, которые демонстрировали своё дурное настроение домашним и перекладывали свои мужские проблемы на хрупкие плечи жён и матерей. Да ещё и этот собачий майор запретил делиться... Однако сегодня ему понадобилось гораздо больше усилий, чтобы взять себя в руки и утишить ураган чувств, бушующих у него в душе.

Пройдя к себе в комнату, он встал перед плакатами с изображением Бориса Гребенщикова и Ильи Кормильцева, как перед иконами, и стал напряжённо думать.

Взгляд БГ едва угадывался из-под больших солнечных очков, но заплетённая в косичку борода звала Петра к неведомым далям тибетского ламаизма. Кормильцев же, в гутре и восточном халате (конечно, монтаж),¹ смотрел открыто и ясно, слегка улыбаясь, как человек, прошедший долгий тяжёлый путь и в конце него обретший истину. Иваненко слушал «Аквариум» и «Наутилус» с первого курса института.

Да, Петины кумиры отлично знали: что-то назревало в

---

¹ За несколько дней до смерти И. Кормильцев принял ислам.

его жизни. Сегодня Пётр Исаакович кожей почувствовал ветер перемен, неожиданно подувший на него из приоткрытой двери квартиры сатанистов. И дело было даже не в зелёном человечке с фиолетовой кровью, лежавшем на полу с перерезанным горлом. Тут таилось что-то другое, что-то ещё более необычное и... трансцендентное. Да, именно ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ – это было то самое слово, которое Иваненко мучительно пытался поймать, идя домой по запруженным машинами и людьми улицам. Оно вертелось на кончике языка, но никак не хотело проникать в сознание. А вот теперь вдруг загорелось в мозгу яркими неоновыми буквами: «ТРАНСЦЕНДЕНТНОЕ!!!»

Стоп! Ночью он всё обдумает. Но это ночью, а сейчас – борщ и только борщ, с сахарной косточкой, приправленный материнской любовью и заботой.

* * *

Людмила Петровна разливала по тарелкам суп и одним глазом косила на сына. Ему никогда не удавалось обмануть её бдительное материнское око. За внешним спокойствием и беззаботностью она всегда угадывала скрываемую от неё тревогу, тоску или душевное волнение. Её мальчик чем-то сильно обеспокоен – она определила это уже по одной его походке. Но по давно заведённым правилам игры она молчала и не смела его ни о чём расспрашивать. «Надо его как-

нибудь женить, – в очередной раз подумала женщина и тихо вздохнула, глядя на поседевшие раньше времени виски сына. – Мальчишке тридцать пять лет, а у него был всего один роман, и тот неудачный. Почему он не стал делать Светке предложение? Ведь уже спали вместе...» На самом деле, Людмила Петровна догадывалась, почему. Света была абсолютно земная, хотя и неглупая женщина. А Петя всегда стремился куда-то вверх, вверх и вдаль. Он думал исцелиться и стать земным, когда бросил институт и пошёл работать в дежурную часть. Но всё было тщетно – милиция не помогла.

– Что ты вздыхаешь, голубка дряхлая моя? – спросил Иваненко, наворачивая борщ. Он тоже вспомнил Светлану – у них с мамой уже давным-давно было что-то вроде телепатической связи.

«Три года уже не созванивались. Нашла она себе кого-нибудь? До сих пор прозябает в своём НИИ?»

– Сынок. Я тут смотрела передачу, как знакомиться через интернет. Можно долго-долго переписываться, слать фотографии. Никто тебя ни к чему не принуждает. И выбор огромный!

– Ну вот и познакомься с кем-нибудь! Тридцать лет уже, как вдовствуешь!

– Опять шутишь!

– А вот и нет. Мне кажется – тебе сейчас самое время. Тебе же ещё семидесяти нет! Приведи какого-нибудь дедка, тоже вдовца, я не против. Посмотрите с ним DVD. Оставь

его ночевать...

– Да я и интернетом пользоваться не умею!

– Не умеешь, научим, не хочешь, заставим!

– Болтун! Молчи лучше, а то подавишься!

Пётр замолчал. И они оба стали думать о папе. Исаак Иакович был евреем, Людмила была его третьей женой, а Петя – пятым ребёнком. С предыдущими папиными семьями они не общались.

Когда Петеньке было четыре года, Исаак Иакович заболел раком. Лечиться он не захотел, зато стал ревностным иудаистом (чего за ним никогда не наблюдалось), весь последний год жизни не вылезал из синагоги и даже хотел обрезать Петюню. Людмила Петровна не дала.

На четырёхлетнего Петю папино поведение оказало сильное влияние. Взрослея, он много думал об исходе из жизни, подготовке к смерти, и даже сам хотел обрезать в память о папе. Людмила Петровна не дала.

Казалось бы, ничего особенного – человек заболел неизлечимой болезнью и стал заботиться о своей посмертной участи. Но большинство-то людей вело себя по-другому! Они прятали голову в песок от смерти, бегали по врачам, «бабкам» и экстрасенсам, до последнего не верили, что всё-таки умрут... И умирали неподготовленными!

Например, несколько лет назад скончался отец-бизнесмен у Петинного институтского друга. Пока этот человек был здоров, он всем заявлял, что горячо верует, что православный

до мозга костей; жертвовал крупные суммы на восстановление храмов, получал церковные награды в виде орденов, мховых шапок и бог знает чего ещё... А когда заболел, всю православность у него как отрезало – даже собороваться не захотел. Умирал с проклятием на устах, кажется, проклинал Бога за несправедливость к себе.

В общем, из-за отца Пётр и поступил на философский факультет...

– Не нужен мне никакой дедок! – решительно сказала Людмила Петровна. – По молодости, да, многие гуляют, но супругник у человека должен быть один, и ежели Бог забрал, то другого искать не надо.

– Да вы прожили-то вместе всего шесть лет!

– Зато какие это были годы! Конечно, я могла второй раз выйти замуж, но не хотела, чтобы ты рос с отчимом. И сейчас не хочу. Ты же – всё ещё ребёнок!

Пётр вдруг вскочил и зашептал ей в ухо:

– Нас скоро поставят на прослушку. И корреспонденция – сама понимаешь – вся будет проверяться. Будут ходить всякие люди – электрики, сантехники и так далее. Ни на что не обращай внимания! Если что заподозришь (знаю – уже заподозрила!), с подружками и сёстрами не делись. Во всяком случае, не в письме и не по телефону. Да и на улице будь осторожна – не трётся ли рядом какой-нибудь калач. Больше ничего сказать не могу. Всё будет хорошо!

Людмила Петровна села.

– И тебя тоже?

– И отец тоже? – удивился Пётр.

– Да, мне не привыкать, – сказала мать. – За что хоть?

– А отца за что?

– Как же! Профессор, доктор наук, религиовед.

– Ну а мне просто не повезло. Всё, не тяни за язык, а то меня потянут за него в другом месте.

* * *

Всю ночь Пётр ворочался с боку на бок и думал, думал, думал.

Почему именно теперь, когда казалось, что он начал исцеляться от своей тяги ко всему духовному, налаженная с таким трудом жизнь покатила в тартарары? Он сказал матери, что ему просто не повезло. Но почему ему всегда так не везёт? Другие живут спокойно, обустроивают свой быт, женятся, рожают детей, разводятся, отмечают Новые Годы и дни рождения... а он словно какой-то отщепенец. Всё ему чего-то не хватает, всё у него не как у людей. Его коллеги спокойно дослуживаются до пенсии, и никакие мёртвые инопланетяне не встают у них на пути. Почему? Да потому что они просто не хотят сталкиваться ни с чем необычным, они блокируют любые проявления трансцендентного в своей жизни. Они хорошо умеют это делать. А у него, похоже, нарушена какая-то важная защита, неправильно работает ан-

тивирусная программа. Вот потому и липнут к нему неопознанные зелёные существа, словно мухи к варенью. Сопротивляться этому бесполезно. Трансцендентное всё равно доберётся до него. Лучше расслабиться и плыть по течению. По крайней мере, теперь он что-нибудь узнает – об устройстве вселенной, о её возникновении, о потустороннем мире, в конце концов. А потеря душевного равновесия – не такая уж большая цена за это знание.

* * *

Иваненко заступил на дежурство по расписанию. Начальник смены был какой-то нервный и странно поглядывал на Петра. Булыгин отмалчивался и ни о чём не спрашивал.

В середине дежурства начальник дежурной части вызвал Иваненко к себе в кабинет и сообщил, что с завтрашнего дня отправляет его в отпуск по состоянию здоровья, что следует понимать, как поступление в распоряжение других инстанций. Больше ничего интересного за смену не произошло.

* * *

Вечером мама сказала, что уже приходили телефонный мастер и двое сантехников, и подмигнула. «Началось!» – подумал Пётр.

Странно, но Иваненко почувствовал что-то вроде облегчения. Как будто внешнее наблюдение снимало с него большую часть ответственности за происходящее. Он всего лишь исполнитель. Его задача сводится к тому, чтобы качественно выполнять свою работу, а обо всём остальном пусть заботятся другие. К тому же прослушивающие устройства оказывали на Петра отрезвляющее действие. Они были слишком земными, под их бдительным контролем нельзя было отмахнуться от реальности. Трансцендентному придётся на время отступить от него. Сегодня он ляжет спать обычным человеком, а не избранником Вселенной для её непонятных нужд...

Они стали говорить с мамой на безобидные темы, но в 22.00 их беседу прервал телефонный звонок. Позвонил майор ФСБ и назначил на утро встречу в Сокольниках.

* * *

Майор был в штатском. Сегодня он показался Петру лет на десять моложе, чем в прошлый раз. Просто старший товарищ, старший брат. Оба они служат в силовых структурах, оба работают на благо государства Российского, обеспечивают его безопасность. А все истории про ФСБ, которые он слышал – просто неумные байки. Это уже давным-давно не КГБ.

– Я вижу, что вы пришли в себя, – сказал майор. – Мы

хотим поручить вам расследование этого дела.

– Мне? Я никогда не участвовал в следственных группах! И юридического образования у меня нет...

– Вот и поучаствуете. Если результаты будут удовлетворительными, вы переведётесь к нам на постоянной основе, повысите образование. Мы уже оформили вам два удостоверения – временное удостоверение сотрудника ФСБ и удостоверение следователя МВД. В случае необходимости будете пользоваться табельным оружием. Почему вы? Во-первых, вы очень перспективны и можете принести бóльшую пользу государству, нам обидно смотреть, как вы зарываете свой талант в землю. Во-вторых, неопознанное существо обнаружили именно вы, и мы не можем закрыть на этот факт глаза. Со временем вы поймёте, что это имеет большое значение. А сыскные навыки приобретаются очень быстро. Мы не хотим поднимать лишнего шума, поэтому не будем устраивать крупномасштабную операцию. Выдвигайте гипотезы, разыскивайте преступников, а мы осуществим их задержание. Отчитываться о проделанной работе в устной и письменной форме будете непосредственно мне. Сейчас мы проедем в один из наших «офисов», и там я ознакомлю вас со всеми материалами по этому делу.

* * *

«Офис» оказался двухкомнатной конспиративной квар-

тирой в девятиэтажке. Их впустила немолодая женщина с цепким взглядом.

– Это наш сотрудник капитан Темнолесова, – представил её майор. Та кивнула в знак приветствия.

– Сделать вам кофе или, может быть, чай? – медленно произнесла Темнолесова, приглашая их в кабинет.

– Кофе, пожалуйста, – попросил майор.

– Спасибо, мне ничего не надо, – отказался Иваненко.

– А вот это вы зря, – покачал головой офицер ФСБ. – Кофе Зинаида Степановна варит отличный. Не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома. Тем более, что сюда вы теперь будете наведываться часто. Если у вас возникнут по ходу дела какие-то вопросы, необходима будет помощь наших экспертов или в других чрезвычайных обстоятельствах в любое время приезжайте сюда. Здесь постоянно дежурит один из наших сотрудников... Так что, капитан, будьте так добры, принесите Петру Исааковичу и мне по чашечке кофе.

Через несколько минут Темнолесова вернулась с подносом, на котором стояли дымящиеся чашки, и села на стул у входа. Майор достал из ящика стола папку с документами и стал вводить Иваненко в курс дела:

– Личности супругов, проживавших в квартире, мы установили: это – Алексей Владимирович и Ольга Николаевна Голубинниковы. Они приезжие, зарегистрированы по месту жительства полгода назад. За квартирой установлено круглосуточное наблюдение, до сих пор супруги не появлялись.

Владелец квартиры – некто Семён Израилевич Кукушкин, сейчас проживает в Израиле. Кровь на перилах лестницы и ручке двери – человеческая, вторая группа, резус положительный... А вот результаты экспертизы по неопознанному существу. Физиологическое устройство очень сложное – непонятно, какой орган является мозгом, как циркулирует кровь, что выполняет функцию сердца. Ах, если бы нам удалось заполучить такое же существо, но живое! Исследованием трупа занимаются специалисты из Комиссии по Неопознанным Существом. Орудием убийства послужил кухонный нож, на нём отпечатки пальцев двух человек. В нашей базе данных таких отпечатков нет, так что личности их обладателей наверняка установить не удалось, хотя следует полагать, что отпечатки принадлежат супругам Голубинниковым, так как такие же отпечатки обнаружены повсюду. Свежих отпечатков пальцев других людей в квартире обнаружено не было. Результаты обыска малоутешительны – никакой информации, могущей пролить свет на произошедшее... Мы допросили гражданку Подрумянцеву (вот стенография допроса), но вам нужно будет ещё раз с ней встретиться. Вот адреса и телефоны родителей Голубинниковых в Твери. Кстати, и Алексей Владимирович и Ольга Николаевна – единственные дети в семье. Вот деньги на первичные расходы. Завтра вечером вам выдадут автомобиль... Мы даём вам полную свободу. Это – своего рода эксперимент со стороны меня и моего руководства. Единственное условие – не теряйте время, есть

мнение, что его у нас мало. Прорабатывайте связи. Начните прямо сейчас. У меня пока всё. Какие у вас вопросы?

– Мне лучше действовать в штатском?

– По обстоятельствам.

– Какая базовая версия на данный момент?

– Версию я хотел бы вскоре услышать от вас.

– У неопознанного существа имеются отпечатки пальцев?

– К сожалению, нет. Все материалы в этой папке.

– Что делать в случае обнаружения Голубинниковых?

– Связаться с нами. Но если ситуация будет чрезвычайная, попытайтесь их задержать своими силами. Я думаю, вы понимаете, что они нужны нам живыми, так что оружие применять только в крайнем случае и стрелять не на поражение.

– Что говорить родственникам и знакомым Голубинниковых о причине моего визита?

– Обычно мы сообщаем то, что люди хотят услышать, либо ничего. Вы же увлекались психологией. Выражение глаз, мимика и пантомимика допрашиваемого человека в первые моменты встречи многое вам расскажут о его внутреннем устройстве. Учитесь суггестии, подстройке.

– Что делать в случае обнаружения неопознанного существа?

– Ни в коем случае не пытаться задержать его собственными силами и не причинять ему вреда!

Глава 2

Бабушка Ефросинья

Похоже, бабушка Ефросинья не узнала Иваненко, хотя видела его в день убийства пришельца. Она провела следователя в комнату и сходу занялась религиозной пропагандой. Чтобы успокоить фанатичную старуху, Петру пришлось несколько раз повторить слово «преступление».

– С какого года вы являетесь членом организации «Свидетели Иеговы»? – спросил Иваненко, когда бабушка наконец уселась.

– Две наших сестры подошли ко мне на улице и пригласили к себе домой. Там мы беседовали по Библии. Как раз месяц, как умер мой муж. Сёстры сказали, что сорокадневные поминки отмечать не надо...

– И в каком году это было?

– В тысяча девятьсот девяносто третьем, осенью. С тех пор моя жизнь так изменилась! Мы все любим друг друга, а Иисус сказал, как узнать своих истинных учеников: они будут любить друг друга...

– Ваши соседи Голубинниковы знали, что вы являетесь членом секты?

– Мы – не секта!

– Прощу прощения, организации.

– Мы с сестрой подходили к ним, когда они только по-

селились в этой квартире. Но они не прислушались к истине. Сразу видно, что они – религиозные фанатики и не читают Библию. Они носили к себе в квартиру кресты, иконы с изображением мертвецов, которым не суждено воскреснуть в Царстве...

– До того, как над ними надругались, это были обычные иконы...

– Вот-вот! На обычных иконах как раз изображаются мертвецы, отвернувшиеся от Иеговы, отвергшиеся Царства и не попавшие в число избранных. Библия предупреждает о том, что придут лжеучителя!

– Помилуйте, вашей организации ещё ста лет, наверное, нет, а до вас были только лжеучителя?

Бабушка Ефросинья отвернулась к стене и насупилась. Она уже несколько раз порывалась взять с полки Библию, но Пётр останавливал её.

– Какую веру исповедовали ваши соседи, по вашему мнению?

– Известно какую.

– А именно?

– Христианскую, – выплюнула старушка.

– Очень интересно. А что, по вашему мнению, произошло тогда в квартире Голубинниковых?

– Дружка какого-нибудь пришили. У этих христиан вечно расколы и раздоры. Встретились псалмы попеть, повздорили – вот тебе и поножовщина. У нас никогда такого не бывает,

потому что мы читаем Библию...

– Вы слышали или, может быть, видели, как и в каком составе они в тот день заходили в свою квартиру?

– Да щи я варила и радио слушала. А потом пошла в комнату и слышу – неладно за стенкой. Я – сразу в милицию звонить.

– А вообще к ним часто заходили друзья?

– Нет, не особенно. Я что-то ихних друзей не видела. Но молились они своим мертвецам два раза в сутки – утром и вечером.

– А молитвы (например, «Отче наш») они читали правильно или наоборот?

– Да не разберёшь через стену.

– А вы сами никогда не молитесь?

– Всё, что нужно, Иегова сообщает Верному и Благоразумному Рабу.² Какая глупость – лезть к нему со своими молитвами!

– Ваши соседи не были христианами. Они состояли в секте сатанистов! Видите, как ваша установка повлияла на восприятие событий? Вы вписали полученную информацию в свою картину мира и получили искажённое видение действительности. Кресты Голубинниковы подвешивали к потолку, а иконам высверливали глаза.

Бабушка Ефросинья посидела минутку с открытым ртом.

---

² Верный и Благоразумный Раб (ВиБР) – группа людей, руководящая организацией «Свидетели Иеговы».

– Это всё очень сложно, – сказала она наконец. – Иисус говорил простыми словами, надо подражать ему.

– Что поделаешь, в следственных органах много образованных людей. Если бы к нам шли одни имбецилы, страна бы давно развалилась. Но, слава Богу, они все у вас.

– К нам многие приходят! – гордо провозгласила бабушка Ефросинья.

– Вы где-нибудь видели Голубинниковых кроме как на лестничной клетке?

– Да на Рогожском рынке. Они овощи там покупают у одного кавказца. Напридумывали себе постов, как будто Всевышнему есть дело до ихних постов...

– А как зовут кавказца?

– А я почём знаю? Морда чёрная, уголовная. Мы с сестрой к таким даже и не подходим...

– Выглядит он как? Где его прилавок?

– Маленький такой, шустрый. Прилавок под крышей. Как зайти с центрального входа, в конце, справа...

* * *

До вечера Иваненко успел опросить ещё нескольких соседей Голубинниковых по подъезду, но никакой полезной информации больше не узнал. «Да, видели этих молодых людей. В разное время суток. Одежда обычная, неброская. Чем занимаются, не знаем. Появились несколько месяцев назад.

Подозрительного ничего не замечали». И так далее и тому подобное.

Затем Пётр отправился домой, написал отчёт о проделанной работе, и у него ещё осталась пара часов, чтобы сделать одно дело, которое он считал весьма важным на данном этапе следствия.

* * *

Темнота. Но кое-что можно разглядеть. Маленькое окошко зарешёчено и прикрыто снаружи рольставнями. Холодно и сыро. Он лежит на нарах, а по щекам текут невидимые слёзы. Он убил человека. Не человека, а Человека с большой буквы. Выстрелил ему в спину и прострелил сердце. Пуля прошла навывлет...

Пилат вышел к толпе и сказал: «Вот Человек!» А потом приказал этого Человека распять. Богочловека. Образ Бога Отца.

И Пётр убил образ Бога. Образ Сына. Стал Богоубийцей. Самоубийцей. Украл у ближнего – украл у себя. Убил ближнего – убил себя...

Ему становится невмоготу, он разрывает пространство сна и выныривает в пространство утренних сумерек, струящихся из окна. Всего лишь сон, всего лишь сон... Какое счастье, что не стал человекоубийцей. Что не такой, как мытари и грешники... Что десятину с мяты даёт...

Прошлым вечером Пётр Иваненко второй раз в жизни прочитал Четвероевангелие. А сейчас надо идти на Рогожский рынок, искать маленького, шустрого такого кавказца, торгующего овощами.

Глава 3

Ибрагим

Люди идут по улице с суетными озабоченными лицами, увёртываются от автомобилей, торопятся в офисы, на работу. Они думают, что «работают на себя», но рабское выражение их лиц свидетельствует об обратном. Ну разве можно сравнить радостное лицо человека, работающего на себя, то есть занимающегося любимым делом, с перекошенным лицом москвича, носящегося в тухлом воздухе, как больная на голову ищейка, в поисках «деньжат» (ласково как называют эти засаленные бумажки!)?

А вот и здание рынка. Недоспавший охранник, ломящиеся от снеди прилавки. Все торгаши на своих местах.

Иваненко без труда нашёл нужного кавказца, показал ему удостоверение следователя МВД.

– Мы разыскиваем молодых людей, супругов, Алексея и Ольгу. Есть информация, что они отоваривались у вас.

– А что с ними случилось? – настороженно спросил кавказец.

– Так вы их знаете?

– Лёшу и Олю?

– Почему вы решили, что с ними могло что-то случиться?

– Дорогой, у таких, как они, много врагов.

– А может быть, они сами совершили какое-нибудь пре-

ступление?

Кавказец улыбнулся, глядя на Петра, как на умственно отсталого.

– Лёша и Оля? Дорогой, давай я расскажу тебе свою историю. Клиентов всё равно пока нет. Я приехал из Азербайджана в Москву совсем молодым. Восемнадцать лет мне было. Я сидел. Да, дорогой, вы же всё равно всё узнаете. Пять лет я сидел за грабёж. Я хорошо бегал. Родной дядя отправлял меня отнимать на улице сумки у обеспеченных женщин и убегать. На зоне меня сильно избивали, и я взмолился Аллаху, и Он защитил меня от смерти. Теперь я держу эту точку и всё делаю своими руками. Жена у меня азербайджанка, двухкомнатная квартира и пятеро детей. Ибрагим меня зовут, дорогой.

Азербайджанец протянул Петру покрытую чёрным волосом руку.

– Пётр Исаакович. И какое отношение имеет ваша история к супругам Голубинниковым?

– Мы всей семьёй ходим в мечеть, и мы, верующие, узнаём других верующих. Такое дело, дорогой, у верующих принято соблюдать заповеди, а другие делают, что хотят.

– Вы видели, как они крестятся? Может быть, они говорили, в какую церковь ходят?

– Нет.

– То есть это ваше предположение, что они верующие?

– Вот если ты, дорогой, увидишь ласку в глазах своей же-

ны? Глаза её сверкают и говорят: «хочу», это будет предположение? Или знание?

– Вы правы, верующими они были. Своего рода... Алексей и Ольга пропали, нам надо обязательно их разыскать.

Взгляд Ибрагима сделался грустным.

– Вы их не разыщите. Они в раю...

– Или в аду.

– Всё лучше, чем здесь, – махнул рукой Ибрагим.

– Как это?

– Всё просто. Земля – СИЗО, рай – воля, ад – зона. Те, у кого нет хóдок, думают, что в СИЗО лучше, чем на зоне. Они ошибаются.

– То есть вам плохо на Земле?

– Как и всякому верующему. Да, я ращу детей, у меня любимая жена, своё дело. Но я не могу видеть, как все обманывают, брат брата отправляет на смерть, ненависть и злость всем управляют. Там Аллах этого не допустит. Даже в аду. Там – справедливость. Многие мои земляки любят Землю, потому что не верят в жизнь там. Они просят у Аллаха побольше денег и боятся смерти. Но есть и настоящие верующие.

– Вы говорили, что у Голубинниковых должно быть много врагов. Кто, например?

– Например, их родные, соседи, друзья. Все, кто не верит в жизнь там и хочет, чтобы все жили по законам рынка. Чтобы всё покупалось и продавалось – дружба, благополучие,

любовь. Чтобы обманывать и командовать.

– Так вы с ними беседовали о Боге? – догадался Иваненко.

– Мы по-разному верим, но мы одинаковые.

– А говорил, что по глазам!

– По глазам вначале, дорогой. А в какую церковь ходят и где живут, я не знаю.

– Ибрагим, дорогой, а зачем ты называешь меня дорогим? Я тебе действительно дорог? Может, ты любишь всех работников милиции?

– Я называю всех «дорогой» и «дорогая» от чистого сердца. Мы все на одной планете, всем помогает Аллах.

– А как же «кафиры»? Может, тебе, дорогой, не в мечеть надо ходить, а в храм? И говорить всем, что Бог есть Любовь?

– Я верю так, как верили мои предки. Нельзя предавать традиции своего народа. Вы, русские, предали, и что с вами стало? Материтесь, даже женщины, пьёте водку и грозите всем ядерным оружием! Весь мир над вами смеётся! Даже хорошо торговать не умеете, а нас, «чёрных», обвиняете в том, что мы все рынки захватили!

– Мой отец, вообще-то, евреем был. Но он не в лавке торговал, а в Университете преподавал. Ладно, оставьте мне свой телефон, гражданин Ибрагим. Если Голубинниковы в раю, мы вызовем вас на опознание их тел.

«Люди какие нынче религиозные пошли, – размышлял Пётр Исаакович, прогуливаясь по парку в ожидании офицера ФСБ. – Может, и майор – какой-нибудь индуист. Нет, это ему не положено. Майор ФСБ должен исповедовать материализм. Хотя материализм – не религия, а образ жизни. Если тебе нравятся красивые изысканные вещи, удобная мебель и одежда, надёжный бесшумный транспорт, умная техника, упругие молодые тела... И ведь майору всё это нравится, но он служит родине. Он, как монах, готов терпеть лишения ради высшей цели – служения отчизне. А отчизне, в свою очередь, нужны материалисты, а не духовидцы. Вот оно как получается. Кто не материалист – тот враг родине! А как я, религиозно озабоченный человек, послужу своей родине? Вот что мне в наследство отец оставил – религиофилию!»

Увлёкшись своими мыслями, Иваненко не сразу заметил, что майор идёт сбоку от него, на полкорпуса позади. Патриот, как обычно, был одет в штатское и походил на клерка из хорошей компании, но его мудрые и в то же время затравленные глаза походили на глаза главы государства; и смотрели они так же обречённо и в то же время проникновенно, как у главы государства.

– Здравствуйте, Пётр Исаакович, – сказал майор, и на его лице изобразилось некое подобие улыбки. – Размышляете?

– Добрый день. Я всегда был склонен к размышлениям.

– И за мной такой грешок водится. Давайте присядем на ту скамеечку. Рапорт готов?

– Да. Пожалуйста.

– Версия уже есть?

– Да.

– Будьте добры, изложите в двух словах.

– Моя предварительная версия такая: убийство прищельца совершил Голубинников, оно не носит ритуальный характер и совершено не преднамеренно, а из страха, из животного ужаса. Если бы оно носило ритуальный характер, обстоятельства были бы очевидно другими. То, как прищелец попал в квартиру Голубинниковых, предстоит выяснить в дальнейшем. Горло перерезано по причине, что убийца счёл его наиболее уязвимым органом, в чём прослеживается явно мужская логика. Убийца сознавал, что прищелец – не человек, и расположение внутренних органов у него может не совпадать с расположением внутренних органов человека. Женщина, тем более в состоянии аффекта, попыталась бы поразить объект ножом в сердце. Таким образом я сделал вывод, что убийство совершил Голубинников. Затем супруги сразу же покинули квартиру и пустились в бег, не зная, какими могут быть последствия их поступка. Пытаясь обороняться, прищелец повредил Голубинникову руку, отсюда – кровь на ручке двери и перилах лестницы. Когда мы найдём Голубинниковых, ситуация полностью прояснится.

— Bravo! — хлопнул два раза в ладоши майор. — Ваша версия полностью совпадает с моей, хотя аргументация у меня несколько другая. В религиозных семьях мужчина обычно доминирует и несёт ответственность за все решительные действия. Даже если бы убийство совершила Голубинникова, она сделала бы это по указанию мужа. А как, по вашему мнению, необычное вероисповедание Голубинниковых может быть связано с появлением пришельца именно в их квартире?

— Тут можно строить лишь отдалённые предположения. Возможно, это связано с религией неопознанных существ. Скорее всего, с их стороны это была неудачная попытка вхождения в контакт с человеческой расой.

Майор сцепил кончики пальцев и несколько секунд помолчал.

— Не исключено, что ситуация окажется более сложной, чем нам кажется на данный момент. Будьте бдительны, Пётр Исаакович! Отправляйтесь завтра утром в Тверь и допросите родителей Голубинниковых. Если выйдете на других людей, тесно общавшихся с подозреваемыми, естественно, допросите и их. Служебный автомобиль уже должен стоять у вашего подъезда. Вот ключи, все документы в бардачке. Если обнаружите, что Голубинниковы скрываются в Твери, свяжетесь непосредственно со мной, и я вас проинструктирую по поводу дальнейших действий.

Ночью Петру опять приснился яркий и живой сон. Он играл со своим другом детства, Вадиком, в бильярд, и вдруг в бильярдную, ковыляя, ввалился убитый инопланетянин. Его серебристая одежда потускнела и приобрела землистый оттенок, голова болталась на лоскуте зеленоватой кожи, руки были сложены в мольбе. «Мы пришли с миром! – говорил инопланетный мертвец. – Мы – с христианской планеты. Мы прилетели в православную страну, страну, где сохранилась истинная христианская вера, к своим братьям. Увидели людей, поклоняющихся Христу... Какой ужасный приём! Мы знали, что ваши рядовые христиане считают всех пришельцев бесами. Но как можно убивать только за то, что кто-то выглядит по-другому! Можно было перекреститься, прочитать „Отче наш“... Но мы простим вас, если вы покаетесь. Опомнитесь, братья, и покайтесь!»

«Вы ошиблись, они не христиане, они сатанисты!» – стал отвечать пришельцу Пётр и проснулся. Но ему показалось, что мертвец успел расслышать и понять его слова.

Глава 4

Родители сатанистов

Город воинской славы встретил следователя хмурым небом и мелким дождём. Иваненко припарковал чёрный «Форд» рядом с обшарпанной пятиэтажкой, где проживали Владимир Александрович и Мария Степановна Голубинниковы. Домофона на двери подъезда не оказалось, и он беспрепятственно проник в темноту подъезда.

Пётр несколько раз позвонил в нужную дверь, прежде чем немолодой женский голос настороженно спросил:

– Кто там?

– Милиция, откройте. – Он показал своё удостоверение глазу, припавшему к дверному глазку.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти пяти. Зайти в квартиру она не предложила и встала так, чтобы перегородить собой проход внутрь.

– В чём дело? Вы по какому поводу?

– Вы – Мария Степановна Голубинникова?

– Да, это я.

– Я по поводу вашего сына, Алексея Владимировича Голубинникова, и его супруги, Ольги Николаевны Голубинниковой.

– А что с ними случилось? – Женщина сильно побледнела. – Неужели несчастный случай? Они живы?

– Не волнуйтесь, с ними всё в порядке. Давайте пройдем в квартиру, и я вам всё объясню. А то вот и соседи уже интересуются. – В этот момент какая-то бабулька вышла из квартиры напротив с помойным ведром и направилась к мусоропроводу. Она с плохо скрываемым любопытством таращилась на визитёра Голубинниковых.

Немного поколебавшись, Мария Степановна пропустила Иваненко внутрь и закрыла за ним дверь.

Они оказались в тесной прихожей маленькой двухкомнатной квартирке.

– Маруся, кто там пришёл? – раздался хриловатый мужской голос из ближайшей комнаты.

– Это товарищ из милиции, Володя. Ему надо поговорить с нами по поводу Алёши и Оли.

– Так зови его быстрее сюда!

– Муж болен, – объяснила Голубинникова и жестом пригласила Петра войти в комнату.

– Пётр Исаакович, следовательно, – представился Иваненко седому худощавому мужчине, полулежащему на диване перед телевизором. – Простите, что побеспокоил, но дело важное. Как я уже сказал вашей супруге, с Алексеем и Ольгой всё в порядке. Вернее, мы надеемся, что с ними всё в порядке. Наверняка сказать не могу, так как мы не знаем, где они сейчас находятся. Дело в том, что они сбежали, и мы их разыскиваем.

– Почему их разыскивает милиция? Они совершили что-

нибудь противозаконное? – Владимир Александрович заметно разволновался.

– Они стали свидетелями преступления. Но испугались, что заподозрят их самих, и пустились в бега. А нам очень важны их показания. Без них мы не можем арестовать настоящего преступника. Так что любые сведения, которые могут помочь нам выяснить местонахождение вашего сына и его жены, чрезвычайно ценны для следствия. Прошу вас со всей откровенностью отвечать на мои вопросы. Поверьте мне, чем скорее их найдут, тем всем будет лучше.

– Хорошо, задавайте свои вопросы... Маруся, принеси товарищу стул.

Усевшись на расшатанный стул, Иваненко начал допрос:

– Как я понимаю, вы не знаете, где они сейчас находятся?

– Нет, в последний раз сын звонил нам приблизительно месяц тому назад из Москвы, – ответил Голубинников-старший.

– У них были какие-нибудь друзья в Москве?

– Про их московскую жизнь мы с Марусей ничего не знаем. Они нам ничего не рассказывали. Алексей исправно нам звонил, справлялся о здоровье, поздравлял с праздниками, но о себе почти ничего не говорил. Знаю только, что жили они там в квартире какого-то знакомого еврея, вроде как охраняли её, пока хозяин был в отлучке.

– А родственники у вас в Москве есть?

– Нет, ни в Москве, ни в Московской области никого нет.

– В Твери у них было много друзей?

– Со всеми друзьями, товарищ следовательно, они давно уже порвали всякие отношения!

– По какой причине?

– По религиозной, конечно. Видимо, их религия запрещала им нормальное общение с людьми, – с горечью в голосе сказал Владимир Александрович. – Даже с нами, своими родителями, они в последние годы почти не разговаривали. Когда жили у нас, запирались у себя в комнате, не выходили к гостям, даже электроплитку себе купили, чтобы пореже выходить на кухню.

– А какую религию они исповедовали?

– Ну, называли-то они себя православными! – ответила Мария Степановна. – Но я лично сомневаюсь, что для православного христианина нормально так себя вести. Христиане должны чтить родителей, а они даже не приехали, когда у Володи случился инсульт! Для христианина главное – милосердие, помощь людям...

– Простите, откуда вы знаете, как должен вести себя православный христианин? – перебил её Пётр Исаакович. – Вы читали какую-нибудь православную литературу, Библию? Ходили в воскресную школу?

– Нет, но это ведь и так всем известно! Мы живём в православной стране! – возмутилась Голубинникова. – Я пыталась объяснить им их ошибки, но разве они кого-нибудь послушают! Знаете, Алёша бывает таким упрямым и твердоло-

бым!

– Скажите, вам не приходило в голову, что они состоят в какой-нибудь секте?

– Ах, товарищ следователь, сейчас появилось так много всяких сект! – вздохнула Мария Степановна. – Они охотятся за молодыми людьми, превращают их в зомби, заставляют отдавать последние деньги, уводят из семьи! Некоторые симптомы мы замечали в Алёше и Оле. Правда, они посещали церковь, но ведь это ещё ни о чём не говорит!

– К ним приходили какие-нибудь странные люди?

– Нет, – ответил Владимир Александрович. – Они никого в гости не приглашали. Однако они иногда надолго исчезали из дома. Нам они не говорили, куда уходят. Возможно, на какие-то собрания с себе подобными.

– У них была какая-нибудь необычная религиозная атрибутика? Например, иконы с просверленными глазами?

– Мы не видели. Если и было что-то такое, они это от нас тщательно прятали.

– А на что они жили? Они работали?

– Сразу после окончания институтов они оба работали по специальностям. Ольга – логопедом, а Алексей – школьным психологом. Но когда всё это началось, они поувольнялись с работ и стали в основном жить за наш счёт. Сын, правда, иногда подзарабатывал, разгружая какие-то фуры, ему платили 200–300 рублей, но по нынешним временам это ведь копейки...

– Да, – вмешалась в разговор Мария Степановна, – мы – родители, и поэтому готовы помогать своему ребёнку и его избраннице, готовы протянуть руку в сложных обстоятельствах, поддержать в трудную минуту, но в ответ, естественно, ожидаем получить нормальную человеческую благодарность и хоть каплю уважения. Нет, они нам не грубили, но я чувствовала холодность и отчуждённость в их взглядах, даже порой презрение, как будто они и за людей нас не считают. Иногда мне казалось, что они живут как будто на другой планете. А мы ведь не за себя беспокоились, мы же об их будущем пеклись! Из них могли бы получиться хорошие высокооплачиваемые специалисты, они могли бы жить в своё удовольствие, ездить отдыхать за границу, родили бы нам внуков (мы с Володиёй мечтаем о внуках!), построили бы дачу на берегу Волги... Нам было больно смотреть, как они сами себя губят!

– А на какие средства они жили в Москве? – спросил Иваненко.

– Около года назад Оля получила наследство от своей тётки. Кажется, какой-то антиквариат. Они всё распродали, получилась довольно приличная сумма.

– До отъезда в Москву они жили у вас?

– Временами у нас, а временами – у Марковых, родителей Оли.

– До того, как Алексей увлёкся религией, каким он был по характеру?

– Да в общем-то, мальчик как мальчик, – ответила Мария Степановна, – вот только немного замкнутый. Друзей у него всегда было мало. Был один школьный друг, Миша, но он умер. Была пара приятелей в институте. Книги любил читать. Ну, что ещё про него сказать? Нам с отцом почти никогда не перечил. Если просили что-то сделать по дому, всегда делал. А после своего так называемого воцерковления стал вдруг жутким упрямым. Всё делал по-своему, с нами вообще перестал считаться. Мы, мол, ничего в жизни не понимаем, дураки приземлённые...

– Давно они с Ольгой женаты?

– Поженились они восемь лет назад. Алёша уже работал, а Оля училась на последнем курсе института.

– Их брак был удачным? Они часто ссорились между собой?

– Вы знаете, – на этот раз ответил Владимир Александрович, – как это ни странно, мы ни разу не видели и не слышали, чтобы они друг с другом ругались. Оля нашего Лёшу безоговорочно слушалась. Ненормально, не по-людски это всё...

Иваненко заметил стоящую за стеклом в шкафу свадебную фотографию молодых людей. Худенькая девушка смотрела в объектив серьёзными, немного грустными глазами. Угловатый молодой человек бережно обнимал её за талию. Петру Исааковичу молодожёны понравились. Но он знал из опыта, что преступники порой бывают вполне симпатичны-

ми и обаятельными людьми. Так что доверять личным впечатлениям не стоило.

– Это их фотография? Разрешите мне её взять с собой, – попросил он.

– Конечно, если надо, берите. Мы сделаем другую. Маруся, дай товарищу следователю фотокарточку.

– А в какой храм они ходили, вы знаете? – спросил Иваненко, убрав фото в кейс.

– Да в церковь Николы Угодника, тут недалеко, – ответила Голубинникова. – Я сама иногда туда хожу, свечки за упокой родителей ставлю.

– С кем-нибудь они там общались?

– Да кто их знает? Может, и были у них там знакомые...

– Спасибо вам за откровенную беседу, – сказал Иваненко, вставая. – Если Алексей или Ольга с вами свяжутся, прошу вас, немедленно сообщите об этом мне. Вот мой телефон. – Иваненко протянул Владимиру Александровичу карточку с номером своего мобильного. – Всего вам доброго!

* * *

Марковы жили недалеко от набережной, в трёхкомнатной квартире в сталинском доме.

Дверь Иваненко открыла пожилая ухоженная дама.

– Елизавета Феликсовна?

– Да, это я. Вы из органов? Что-нибудь случилось?

Пётр представился и объяснил цель своего визита, сообщив ту же версию, что и Голубинниковым.

– В таком случае, пожалуйста, входите. Мы с Николаем Валентиновичем как раз собирались пить чай. Можно предложить вам чашечку?

– Спасибо, не откажусь.

Изящным движением руки Елизавета Феликсовна указала Петру на открытую дверь гостиной, где уже стоял накрытый к чаю стол. Сидящий за столом полный мужчина в домашнем халате при их появлении тут же поднялся.

– Николай, у нас гости. Разрешите представить тебе Петра Исааковича из милиции.

– Очень приятно. Николай Валентинович Марков. – Мужчина протянул руку Иваненко. – Чем обязан чести вашего посещения?

– Пётр Исаакович разыскивает Алексея, – ответила за Иваненко Маркова. – Он что-то такое натворил, а потом скрылся с места преступления. И втянул во всё это нашу Оленьку. Да, да, – повернулась она к следователю, – я отлично поняла, что скрывается за словами «стали свидетелями преступления».

– Похоже, беседа наша будет долгой, – проговорил Николай Валентинович, – присаживайтесь, пожалуйста.

Когда все расселись и Елизавета Феликсовна разлила чай по маленьким фарфоровым чашечкам, разговор был продолжен.

– Итак, какое же преступление Алексей совершил на этот раз? – спросил Марков.

– А что, он уже совершал какие-то преступления? – в свою очередь поинтересовался Иваненко.

– Уголовно наказуемых преступлений – нет, не совершал, но есть не менее тяжкие нравственные преступления, молодой человек, преступления против морального закона. Так вот, в такого рода преступлениях Алексей действительно повинен. Впрочем, если человек переступил через общечеловеческую этику, рано или поздно он совершит и уголовное преступление. Так что я не удивлён вашему визиту.

– Пока у нас недостаточно фактов, чтобы обвинить Алексея в уголовном преступлении, – сказал Пётр. – Мы разыскиваем их с Ольгой, чтобы они дали свидетельские показания. Я не могу вам сообщить, чему они стали свидетелями, это тайна следствия. Одно могу сказать, нам очень важно выяснить, где они сейчас находятся. Поэтому мне важна любая информация о них.

– Хорошо, мы с супругой постараемся вам помочь.

– Я уже понял ваше отношение к Алексею. Однако чем оно вызвано?

– Мы с самого начала были против брака нашей Оленьки с Алексеем, – ответила Елизавета Феликсовна. – Мы столько в неё вложили! С раннего детства мы прививали Оленьке любовь к классике, водили её на концерты симфонической музыки, в театр, в музеи. Мы хотели, чтобы она пошла

по нашим стопам. (Я – кандидат исторических наук, преподаю в ТвГУ, а Николай Валентинович – известный на всю Россию логопед, доктор наук, профессор, автор множества научных исследований.) Вначале всё шло по нашему плану. Оля поступила в институт, хорошо училась. В институте за ней ухаживали интеллигентные молодые люди. И вдруг она влюбляется в этого Алексея и собирается за него замуж! Мы её, конечно, пытались отговорить от этого шага, но она была непреклонна. После свадьбы они сначала поселились у нас. Мы решили, что ещё не всё потеряно, что Алексея можно обтесать и превратить в нормального воспитанного человека, но не тут-то было! Он отчаянно сопротивлялся нашему воздействию, а потом и вовсе превратился в религиозного фанатика. Мы хотели для нашей дочери лучшей судьбы! Если бы Алексей со своей семьёй не оказывали на Оленьку дурное влияние, она могла бы развиваться дальше как профессионал и как личность. Ей предлагали поступить в аспирантуру, перед ней открывались блестящие перспективы...

– Вы недолюбливаете Голубинниковых?

– Поймите меня правильно, из-за своих этических принципов я не могу презирать простых людей. Это пошло, в конце концов, – презирать тех, кто и так во многих отношениях обделён природой. Я понимаю, что среда, в которой они родились и выросли, не благоприятствовала развитию интеллекта и нравственности. Их личности формировались в жёстких условиях борьбы за существование. Однако меня

крайне утомляет мещанская психология, поэтому я стараюсь поменьше общаться с такими людьми.

– Но Алексей закончил ВУЗ, его вы тоже причисляете к мещанам?

– Неужели вы думаете, молодой человек, что для того, чтобы стать интеллигентом, достаточно одного диплома? Нужно по меньшей мере три: один – свой, второй – отца, и третий – деда, – пошутил Марков. – Ну, а если серьёзно, Алексей всегда был слишком категоричным. Такая узость мышления – признак ограниченности личности. Настоящий интеллигент всегда толерантен, он уважает право другого человека быть не таким, как он сам.

– А разве вы сами были толерантными к Алексею и Ольге? – саркастически спросил Пётр. – Как я понял, вы всё время пытались их переделать под себя, не давали им быть самими собой. Чем вы сами отличаетесь от мещан?

– Тем, что мы, в отличие от подавляющего большинства людей, служим не себе, а обществу, – гордо заявила Елизавета Феликсовна.

Иваненко оглядел богатое убранство комнаты. Проницательная женщина перехватила его взгляд.

– Да, мы – обеспеченные люди. Общество ценит нас за то, что мы положили свои жизни на алтарь науки! А вы хотели бы, чтобы мы были бессребрениками, «обедали в кабинете, а кроликов резали в ванной»?

– Кем по вероисповеданию были Алексей и Ольга? – пе-

ревёл беседу в русло следствия Пётр, улыбнувшись для приличия: он подумал, что цитируя Булгакова, Маркова пытается шутить.

– Сектантами, конечно, – ответил Николай Валентинович. – Но к какой именно секте они принадлежали, точно сказать не могу.

– Почему вы так уверены, что они были сектантами? По некоторым данным, они называли себя православными христианами.

– Молодой человек, неужели вы думаете, я не отличу сектанта от нормального верующего человека? У сектантов абсолютно зашоренное мышление, нездоровое отношение к смерти. Однажды Алексей заявил, что не стал бы лечиться, если бы заболел, например, раком. Чисто сектантская психология! А то, как они себя вели! Изолировали себя от общества, во всех без исключения видели врагов... Поверьте, мы не противники здоровой религиозности! Если бы Алексей с Олей действительно были православными христианами, мы бы их только поддерживали. Мы отлично понимаем значение православия для нашей страны, для её истории. Христианство лежит в основе гуманизма, нравственности. Мы бы даже не возражали, если бы Алексей поступил в духовную семинарию, стал священником или богословом. Но они и думать не хотели о продолжении своего образования!

– А скажите, пожалуйста, как вы думаете, могли они быть сатанистами?

– Сатанистами? Неужели всё настолько плохо? – всплеснула руками Елизавета Феликсовна.

– Вы полагаете, они специально убеждали всех, что они христиане, чтобы скрыть свои настоящие взгляды? – стал рассуждать Марков. – Что ж, возможно, вполне возможно. Теперь, когда вы это спросили, я склоняюсь к мнению, что так оно, скорее всего, и было. По крайней мере, это многое объясняет – неэтичное поведение, разрыв с друзьями, нежелание профессионально развиваться...

– Ну а между собой Алексей с Ольгой ладили? – задал новый вопрос Иваненко. – Какие у них были отношения?

– О, это отдельная и весьма болезненная для нас тема! – ответил Николай Валентинович. – Алексей оказался настоящим семейным диктатором. Он полностью подчинил себе Олю, она и шагу не могла ступить без его ведома, на всё спрашивала у него разрешения. В какой-то момент вообще перестала с нами разговаривать.

– Да, я пыталась объяснить ей, что у современной женщины должно быть своё независимое мнение, – вмешалась Елизавета Феликсовна, – но она только смеялась надо мной.

– То есть вы считаете, что жена не должна слушаться своего мужа? – осведомился Иваненко.

– Мы же не в каменном веке живём, зачем возрождать домострой? Диктатура мужчины в семье подавляет личность женщины, не даёт ей развиваться! – возмутилась Маркова.

– Понятно. Как вы думаете, могут ли Алексей и Ольга

скрываться здесь, в Твери, у кого-нибудь из родственников или знакомых?

– Очень маловероятно. Они порвали отношения почти со всеми родственниками и друзьями.

– В Москве ваша дочь с мужем проживали в квартире Семёна Израилевича Кукушкина. Вам знаком этот человек?

– Это мой двоюродный брат по отцу, – ответила Елизавета Феликсовна, поморщившись. – Мы с ним очень мало общались. Но перед своим отъездом в Израиль он позвонил мне и попросил найти кого-нибудь, кто бы мог присмотреть за его московской квартирой. Оля с Алексеем воспользовались такой возможностью и переехали жить в столицу.

– Ольга звонила вам из Москвы?

– Да, регулярно. Последний раз недели три назад. Ничего интересного не сообщила, обычный дежурный звонок.

– Ваша дочь недавно получила какое-то наследство от своей тёти?

– Да, полтора года назад умерла моя сестра, Маргарита, – сообщил Николай Валентинович. – Она была старой девой, и соответственно у неё не было своих детей. Нашу Оленьку она любила, как родную дочь. Кстати, с Марго Алексей и Оля неплохо ладили. Она была им под стать – эксцентричная и религиозно озабоченная, вот и написала на Олю завещание. После её смерти дочери досталась вся её коллекция антиквариата. Мы были против распродажи семейного достояния, но Алексей настоял, и Оля его, естественно, послушалась.

Многие вещи были действительно бесценны, а они продали их фактически за копейки! Мне больно даже вспоминать об этом...

– А почему они решили уехать в Москву? У них были там какие-то знакомые?

– Маловероятно, – ответила Маркова. – У нас с Николаем, конечно, есть друзья в Москве, но Оля с ними никогда не была близка. Скорее всего, они просто сбежали от нас. Алексею было неприятно с нами общаться, плюс ко всему он, вероятно, боялся, что, живя рядом с нами, Оленька рано или поздно начнёт прислушиваться к нашему голосу и выйдет из-под его влияния. Поэтому он просто-напросто решил утащить её подальше от нас.

– Спасибо вам за чай и за беседу, извините, что потревожил, – сказал Иваненко, вставая. – Дайте мне, пожалуйста, адреса и номера телефонов всех ваших московских друзей. Я вам тоже оставлю свой номер. Если узнаете какую-то информацию о возможном местопребывании вашей дочери и её супруга, обязательно свяжитесь со мной.

Провожая его к двери, Елизавета Феликсовна вдруг горячо воскликнула:

– Пожалуйста, помогите нам! Помогите вызволить Оленьку из лап этого чудовища! Наша девочка в опасности рядом с ним! Возможно, он её зомбировал и заставляет участвовать в разных омерзительных обрядах. Я не переживу, если с моим ребёнком что-то случится!

— Я постараюсь вам помочь, если это будет в моих силах, — пообещал Иваненко.

* * *

Прогуливаясь по набережной, Пётр несколько раз доставал фотографию молодых людей и пристально всматривался в их лица. Вопросы дикими пчёлами роились у него в голове. Зачем они причиняли боль своим родным? Почему сделались сатанистами — выражали протест нашему больному обществу, погрязшему в лицемерии, тщеславии и глупости? И как, во имя всего святого, зеленокожий пришелец попал к ним в квартиру?!

Глава 5

На приходе

Иваненко заночевал в неприметной гостинице, и ему опять приснился неприятный сон. Скорее даже, это было видение, а не сон. Он лежал на сене в сюрреалистической повозке, напоминающей русскую телегу с козлами, в которую была запряжена шестиногая пегая кобыла. На козлах сидел вечно юный Божественный Возница и посмеивался, время от времени оглядываясь на Петра. Его лицо синевато-трупного оттенка было рассечено шрамом, губы, уши, ноздри и брови утыканы маленькими кольцами, а на скулах угадывались вживлённые под кожу металлические шарики.

– Почто боярина обидел? – спросил Кришна, обернувшись в очередной раз.

– Не я, но представители моего вида, – почему-то ответил Пётр, приподнявшись на локте. Телега медленно тряслась по кочкам.

– Нет у меня больше таких преданных слуг, как он, – покачало головой Божество.

– Посади его к своим стопам, – посоветовал Пётр. – Пусть вечно наслаждается.

Синюшное лицо Божества перекосило от боли.

– Не от меня зависит! – выдавило оно. – Мы будем наслаждаться в разных местах.

– Да ну? А откуда, о великий, у тебя шрам на морде?

– С лестницы упал, с лестницы! – начал оправдываться Кришна. – Я должен радоваться, а ты, раб, мне всё настроение испортил! Спой мою любимую песенку, и я вновь возрадуюсь!

– Мантру, что ли? «Харе Кришна, Харе Рама»? «Всепривлекающий, позволь мне преданно служить тебе»? А если я не горю желанием?

– Ну хоть пирсинг сделай! – взмолился Возница, у которого вдруг начала отслаиваться кожа, падая синими лоскутами на жёлтые шаровары.

Тут Иваненко стало засасывать в сенную воронку на дне телеги, он ощутил, что несётся сквозь пространство и время и падает на застиранные простыни в дешёвой гостинице. Было пять часов утра.

Третью ночь подряд ему снится реалистичный и яркий сон! Раньше Петру как творческой личности, конечно, снились цветные сны, но чтобы такие! В этих трёх снах была заложена какая-то информация, надо обязательно её осмыслить. Быть может, кто-то подключился к его сознанию?

За этими мыслями Иваненко так и не смог больше уснуть.

* * *

Священник отец Вячеслав был невысокий, средних лет, с умными глазами. Образование имел высшее техническое и

семинарское, в храме святого Николая Мирликийского служил настоятелем пять лет. Иваненко успел перехватить его до начала службы и исповеди.

Голубинниковых-младших отец Вячеслав помнил и охотно согласился рассказать всё, что ему известно. После предварительных вопросов Пётр перешёл к сути дела:

– Как вы думаете, могли Голубинниковы состоять в какой-нибудь секте?

– Очень может быть, – сказал священник после недолгого размышления. – В православных храмах полно сектантов и оккультистов.

– Например, могли они быть членами сатанинской секты?

– Это вполне вероятно. Сатанисты – религиозные паразиты. Они нуждаются в подпитке, в первую очередь нашими святынями – иконами, священными книгами и так далее. Причащались они редко, а в наши последние времена нужно причащаться не реже раза в неделю.

– А чем причащающийся сатанист отличается от православного человека?

– Внешне ничем. То, что надо делать во время исповеди и причастия, можно узнать в брошюре, которая продаётся во всех церковных лавках, или у бабушки-прихожанки, прочитать в интернете. Мы причащаем всех, кто выполняет определённые требования, ведёт себя правильно – детектора веры у нас нет. Видимо, им доставляло удовольствие осквернять таинство. Духовных бесед со мною они не вели, и узнать

о том, что эти люди из себя представляют, у меня не было возможности, хотя подозрения, не скрою, были.

– То есть они постоянно ходили в вашу церковь, но не спрашивали у вас духовных советов, не считали вас своим духовником?

– Именно так.

– А кто ещё здесь служит?

– Отец Сергей и отец Михаил. Они рассказывают мне как настоятелю подробно обо всём, что происходит в храме, в том числе у них на исповеди (не нарушая тайну исповеди, разумеется). Эти молодые люди также не считали отца Сергия и отца Михаила духовниками и не спрашивали у них духовных советов.

– А что происходило во время исповеди Голубинниковых?

– Сначала подходил молодой человек, читал по бумажке свои грехи и прегрешения, давал мне в руку бумажку, я её рвал. Он немедленно опускал голову на аналой, я читал разрешительную молитву, он целовал крест и Евангелие, брал благословение и шёл к иконе Алексия человека Божия, рядом с которой стоял всю Литургию. Потом то же самое делала его супруга... Если не возражаете, я и сейчас хотел бы приступить к своим обязанностям, иначе образуется большая очередь...

– С кем ещё можно поговорить по поводу Голубинниковых?

– Думаю, имеет смысл поговорить со свечницей Марией Валентиновной. Вон она, на своём рабочем месте.

Они обменялись координатами, и отец Вячеслав отправился исповедовать прихожан. Пётр зафиксировал кое-что у себя в блокноте.

Подозрительным типом показался следователю этот священник. Похоже, он попадал под детективный стереотип персонажа, который знает больше, чем говорит, темнит, преследует свои собственные цели – не преступник, но и не праведник. Слишком правильно и без заминки он отвечал на вопросы, так, как будто у него уже давно на всё заготовлены ответы. Что ж, может быть, им предстоит ещё встретиться.

* * *

– Хорошие ребята были, спаси их Господи, жаль, что в Москву уехали, – рассказывала Мария Валентиновна. – Я откуда это, думаете, знаю? От мамыши Лёшиной знаю, Маши, тёски моей. Тёска-то тёска, а небесные покровительницы у нас разные, у неё Мария Магдалина, а у меня Мария Египетская. Она от меня в соседнем доме живёт. Не замечала ли чего? Конечно, замечала! Свечку Лёшенька левой рукой передавал, был такой грех за ним. Причём не случайно один раз передал, а всегда, нарочно он это делал. Я-то сказать ему боялась, взгляд у него был такой... глубокий... как будто знает что-то такое... Передаст свечку левой рукой и смотрит по

сторонам своим особым взглядом, мол, попробуйте мне что-нибудь скажите. Многих в искушение вводил, а так мальчик чудесный... А Оленька, не один раз я видела, к иконам святых угодников после причастия прикладывалась, а это ни в коем случае делать нельзя...

– Объясните мне, нецерковному человеку... – попросил Пётр.

– Счас всё объясню, милый мой, гражданин следователь. Правая рука, она почему так называется? От слова «прав». А «левая» по церковно-славянски означает «неправая», «неправильная», «неправедная». Я воскресную школу заканчивала! В Писании что сказано? Праведники по правую руку от Бога в раю будут, а грешники «ошуюю», значит по левую, в аду. Левая рука означает «ад». У нас, у православных, очень сложная символика, и при этом символы имеют мистическое значение. «Мистическое» означает не «сверхъестественное» или «потустороннее», а «таинственное» (ударение на первый слог), то есть приравнивается к таинствам, по-мирскому обрядам. Это я в книжке у батюшки Андрея Кураева прочитала, вот она у нас продаётся... Я хочу сказать, что неправильно совершённое таинство ведёт за собой отрицательные духовные последствия. Например, если батюшка воду в святую чашу не нальёт, преобразится ли содержимое в кровь и плоть Христову?

– Не преобразится? – попытался угадать Иваненко.

– А это – смотря по какой причине не нальёт! Если не на-

рочно – подумает, что налил, а сам забудет с похмелухи, – Господь простит и совершит таинство. А если священник от веры отпал и нарочно оскверняет таинство – тогда ни за что не преобразится! Но ребята-то, прости им Господи, по всему видно, делали всё нарочно. Крестное знамение – тоже символ, но если начнёт прихожанин креститься снизу вверх, думаете, крест будет иметь силу?

– Не будет?

– Конечно, не будет, потому что это всегда делается нарочно. Кстати, Лёшенька однажды всю службу так крестился – влево, вправо, вниз и вверх, – стоя перед иконой апостола Петра. Двое благочестивых прихожанок пытались его вразумить, но он глянул на них своим взглядом и ничего не ответил. А во взгляде читалось: «что ж вы все такие тупицы?» Прелесть это у нас называется, от высокоумия и от гордыни бесовское наваждение. Видно, из-за прелести им Бог детей и не даёт. Да я думаю, образумятся ребята, молюсь каждый день за них, чего по молодости не бывает...

– А что вы говорили по поводу целования икон со святыми угодниками Голубинниковой после причащения?

– Вот вы сами подумайте, у человека в желудке кровь и плоть Господня. Они ещё не переварились, не попали в кровь человека, не пошли по сосудам... Сколько переваривается пища? Часа два. А кровь и плоть Спаситель подаёт нам под видом пищи земной. Когда частицы крови и плоти Христа, поданные нам под видом вина и хлеба, ассимили-

руются с кровью причастившегося человека, таинство можно считать завершённым. А до тех пор можно прикасаться только к иконам Спасителя или кресту с Его изображением. Даже к иконам Пресвятой Богородицы, на которых не изображён Богомладенец, прикасаться нельзя. Господь сам сказал Марии Магдалине: «не прикасайся ко мне, ибо я ещё не взошёл к Отцу», то есть таинство воскресения Христова ещё не было завершено на тот момент. Да, мой дорогой, все таинства совершаются не в долю секунды, а имеют определённую протяжённость во времени...

– Но ведь человек прикасается к ручке двери, к ключам, к перилам, к кнопке лифта, когда идёт домой после причастия...

– Не надо путать плотское прикосновение с духовным! – сверкнула глазами свечница. – Вы, мой хороший, мирской человек, и благодать Духа Святого в вас не действует, поэтому задаёте такие вопросы. Вот человек отходит от чаши, выпивает «теплоту», кушает частицу просфоры. У него, можно сказать, ещё кровь Господня на губах не обсохла, и вдруг он, как Оленька, прикладывается к иконе Серафима Саровского и шепчет: «благодарю тебя, отче Серафиме, что сподобил меня причаститься»! Вместо Христа он благодарит Серафима Саровского! А прикасаться к иконе великого святого без молитвы – тоже тяжкий грех! Получается: прикоснувшись с молитвой – предал Христа, изменил Ему с Его слугой и не дал завершиться величайшему из таинств, остался без

плода; прикоснулся без молитвы – осквернил память святого угодника! Надо делать так: причастился, прополоскал рот и губы «теплотой», чтобы вся кровь и плоть попала в желудок, закушал святой просфорой, дождался конца службы, поцеловал крест, пошёл домой, прочитал молитвы после причастия, дождался, когда Господь окончательно усвоится в твою плоть, а потом уже поклоняйся святым. Большинство колдунов выходят из храма после причастия, суют два пальца в рот и вылёвывают кровь и плоть Господню. Но некоторые действуют более тонко – причащаются на сытый желудок, чтобы кровь и плоть Христа смешались с обычной пищей и потеряли свою силу; или чистят зубы перед причастием и сглатывают химическую слюну; или вот, как Оленька, целуют иконы святых угодников...

– Вы подозреваете, что она занималась колдовством?

– К сожалению, да. Наш храм посещает около десяти колдуний: кидают заговорённые монетки в сосуд со святой водой, когда его держит в руках батюшка, – на удачу в бизнесе; ставят свечи «за упокой» за живых и читают за них заупокойный акафист, чтобы они умерли; вылёвывают, как я уже говорила, святые дары в пакетик, а потом используют в чёрных обрядах. Мало кто знает, что популярный в народе «чёрный заговор на смерть на крови» делается на крови предполагаемой жертвы, смешанной с выbleванной кровью Христа... И, наверное, Оля тоже грешила колдовством вместе с мужем.

– А вам откуда известны такие тонкости колдовской практики?

– Мне скрывать нечего, раньше я занималась чародейством. Но Господь давно простил мне этот грех, потому что я искренне раскаялась, и даже бес из меня вышел по молитвам отца Германа.

– Спасибо вам большое, очень интересно и познавательно! – сказал Пётр, чувствуя, что пора закругляться.

Пока они беседовали, к свечному ящику образовалась огромная очередь, но все прихожане смиренно ждали, когда они закончат беседовать, и не роптали, потому что Иваненко показал им своё удостоверение.

«До чего талантлив русский народ! – думал следовательно, выходя из храма. – Простая свечница, а как люто в богословии разбирается! Надеюсь, бабушка не сама богословские теории выдумывает...»

Больше дел у Иваненко в Твери не было, и он отправился в Москву. Стоя в пробке на «Ленинградке», он размышлял на тему: одно ли и то же – сатанист и колдун? И те и другие проводят антихристианские обряды, и те и другие прикрываются мнимым своим православием от дураков. И те и другие могут объединяться в организации. А состояли ли Голубинниковы в секте или были самоучками? Почему сразу – секта? Может, был у них духовный поиск, их сердце коснулось знание, и они поняли, что нужно служить сатане?

И вот что достойно внимания: священник сказал, что при-

чащающийся сатанист внешне ничем не отличается от православного человека, а свечница отлично видела отличия. Неужели свечница лучше разбирается в этом вопросе, чем священник? Или священник не хочет признаваться, что точно знал, что Голубинниковы – сатанисты?

За время пути у Иваненко возникло несколько новых гипотез, но в целом, кажется, картина начала проясняться.

Глава 6

Визитёр

Иваненко работал у себя в комнате над отчётом о поездке в Тверь, когда у него возникла навязчивая мысль пойти и открыть входную дверь. Он попытался её отогнать, но мысль не проходила. Ему надоело бороться с этим наваждением, и он вышел в прихожую и распахнул дверь. На пороге стоял полный высокий мужчина в дорогом костюме, который приложил палец к губам и, не разуваясь, прошествовал в комнату Петра. Иваненко ничего не оставалось, кроме как пройти за ним. Мужчина закрыл дверь в комнату, плюхнулся на стул, достал из кармана авторучку и нажал кнопку на ней. Стержень не появился, зато что-то щёлкнуло на стене.

– Мне нужно с вами побеседовать, – сказал мужчина низким глубоким голосом.

– Хорошо, – сказал Пётр и уселся на кровать. «Вечером нашу беседу, переданную „жучком“ и записанную на цифровой носитель, с большим интересом послушает майор!» – подумал он.

– Простите, но я был вынужден временно отключить прослушивающее устройство, – сказал человек, показывая Петру авторучку. – Инопланетная технология. Меня зовут ОБ. Я – представитель представителей внеземной цивилизации под названием... – он произнёс набор шипящих звуков. –

Старший Посол хочет переговорить с вами, используя мой голосовой аппарат.

– Я к вашим услугам, – сказал Пётр.

Лицо мужчины перекосило, оно приобрело какой-то мертвенный оттенок, глаза сделались пустыми, голова наклонилась вбок, и он заговорил не своим хриплым голосом, с присвистом и подрыкиваниями.

– Я посол цивилизации из созвездия Рака. Имею сообщить вам важную информацию. Мы уже длительное время находимся на планете Земля и хорошо изучили вашу цивилизацию. Мы знаем ваш стереотип о враждебности инопланетных созданий и то, как он преподносится в культуре: чем создание сильнее внешне отличается от человека, тем оно враждебнее. Мы изучали фильм Тима Бёртона «Марс атакует», где марсиане говорили «мы пришли с миром» перед тем, как кого-то убить. Но наша цивилизация действительно пришла с миром. Мы никого не убиваем и не будем убивать, мы не будем подчинять ваше сознание и делать из вас рабов, мы не заинтересованы в ваших ресурсах и вашей планете для своего места жительства. Мы не идём на прямой контакт с властями из-за высокого уровня агрессивности вашей цивилизации. Мы хотим действовать через Православную Церковь. У нас есть золото, но мы не можем продавать его много, чтобы не разрушить экономику Земли... Я правильно говорю по-русски?

– Я всё понимаю, – сказал Пётр.

– Это была шутка! – проскрипел посол. – У нас есть чувство юмора, мы не бездушные машины! Конечно, я говорю правильно, потому что использую мозг этого милого православного бизнесмена, который согласился с нами сотрудничать. С его помощью мы отреставрировали двенадцать православных храмов и покрыли нашим золотом их купола и внутри них всё, что было можно. Мы создали два православных спутниковых телеканала – «Медовый спас» и «Благостный союз» – для того, чтобы люди обращались ко Христу. Мы издаём три красочных православных журнала. Вам лично мы можем представить доказательства, что реставрация храмов, вещание каналов и издание журналов действительно осуществляется нашими усилиями, – ОБ вынул из кейса папку с документами, – но сатанисты представляют серьёзную угрозу православию.

– Согласно статистике, сатанисты – в основном подростки.

– Речь не о подростках. Недавно сатанисты убили одного из наших граждан. Насколько нам известно, вы занимаетесь расследованием этого дела. Цель сатанистов – уничтожить всю нашу миссию. Нас немного – путешествие в пространстве требует огромных энергетических затрат. Сатанисты – враги Православной Церкви, они знают о нас и ненавидят нас за нашу деятельность. Если все мы будем физически уничтожены, это нанесёт православию в России огромный урон.

– Как они узнали о вас?

– Некоторые ритуалы сатанистов дают тот же эффект, что и высокоразвитая технология. Можно называть это «чёрной магией». Они могут узнать, в какой точке Москвы находится тот или иной из нас. Они видят нас сквозь защитное поле, которое делает нас невидимыми для всех людей (разумеется, пока мы живы). Они могут перестрелять или перерезать всех нас, а наша мораль запрещает нам убивать даже в целях самообороны. Защитите православие в России! Защитите дружественную вам расу! Найдите всех членов секты (по нашим данным, их не меньше трёх) и обезвредьте их!

Невидимый кукловод отпустил мужчину, он стал падать со стула, но Иваненко успел вскочить и подхватить его. Вскоре представитель представителей внеземной цивилизации пришёл в себя.

– Я должен идти, – сказал он, доставая из кармана инопланетное устройство, замаскированное под ручку, и нажимая кнопку. Пётр проводил мужчину до двери.

– Кто это был? – высунулась из своей комнаты Людмила Петровна, как только он повернул ключ в замке.

Пётр закатил глаза и оттянул мочку уха. Почему-то он решил пока не сообщать майору о своей беседе с ОБ.

– Тебе что-то послышалось, мам! – сказал он нарочито громко. – Это я в туалет ходил!

Пётр потянул мать в свою комнату и дал ей листок бумаги с ручкой.

«Ты не поверишь, сынок, что я испытала, пока он сидел в твоей комнате! – написала Людмила Петровна. – Мне от матери достались две иконы – Казанская Богоматерь и Николай Угодник. Я храню их в чистых тряпицах на антресолях. Я хочу достать их и поставить на стол. Буду молиться!»

«Что ты испытала?»

«У меня было видение. Между мной и телевизором появился демон. Он был полупрозрачный, и я видела сквозь него, как дон Карлос объясняется в любви донне Розе. Демон на меня не смотрел. Он смотрел через стену в твою комнату и делал какие-то магические пассы. Он исчез за минуту до того, как ушёл человек, который был у тебя».

«Это – пришелец, а не демон, – написал Пётр. – Его скрывает защитное поле. Он вошёл вместе с женщиной, с которым я беседовал, но, видимо, не успел прошмыгнуть в мою комнату. Дверь к тебе была открыта?»

«Приоткрыта».

«Ему надо было воздействовать на разум этого мужчины, а у тебя в комнате, наверное, подходящее место. „Жучок“ на время беседы они отключали. Когда пришелец начал телепатический сеанс, его защитное поле ослабло, и ты его увидела».

«А почему он сам не показался тебе?»

«Наверно, боялся, что я его пристрелю!»

«А я всё равно буду теперь молиться», – упрямо написала Людмила Петровна и поставила три восклицательных знака.

Иваненко насколько смог разобрался в документах, оставленных послом. Это были протоколы банковских операций, бухгалтерские балансы, финансовые отчёты и прочее. Исходной точкой всех инвестиций был фонд «Содружество», председателем которого был некий Олег Безбедников, а в попечительском совете значился десяток личностей с очень странными фамилиями: Шпшловчек, Щмщихов и т. п. Вроде бы всё сходилось.

Встали новые вопросы. С кем ему теперь быть – с Русской Православной Церковью или с ФСБ? Не прикроют ли фээсбэшники дружественный РПЦ фонд по причине, что междупланетное сотрудничество пошло не по их плану?

Рассказывать или не рассказывать майору о визите ОБ? Раз посол отключил «жучок», значит он не хотел, чтобы ФСБ знало об их разговоре. Или он не хотел, чтобы ФСБ *прослушало* их разговор? Однако документы посол хотел предоставить «ему лично», а не стоящей за Иваненко организации. С другой стороны, чётких инструкций пришелец не дал. Видимо, он хотел, чтобы Пётр пораскинул умом и сам принял правильное решение.

Через два часа ему встречаться с майором и отчитываться о поездке в Тверь. Иваненко попытался успокоиться и стал дописывать свой отчёт.

Пётр вышел из дома за час до встречи. Он так и не принял окончательного решения, с кем ему теперь быть, и решил действовать по обстоятельствам, наблюдая за поведением майора.

В своём почтовом ящике он обнаружил пару оппозиционерских журнальчиков. Оппозиционеры, как обычно, дружно тявкали на президента, премьер-министра и коррумпированных чиновников, всей душою мечтая самим оказаться в креслах последних.

Один знакомый Петра говорил в личной беседе: «Все современные политики по уши в грязи, это известно даже детям. Но замена одного дерьма на другое никакого плода никогда не приносила. Единственный способ сохранить чистую совесть – самому не лезть в политику, а по возможности и не интересоваться оной, а то ненароком примешь сторону либо одного, либо другого дерьма и сам запачкаешься». Знакомого звали Анатолий Сергеевич Мыслетворцев. Он преподавал в институте, где отучился три курса Пётр Исаакович.

Иваненко вспомнил, как критиканы власть имущих буквально на международном уровне требовали выпустить на свободу разжиревшего на приватизации бандита, который сидел в отдельной камере с телевизором и компьютером. И ещё ему вспомнились слова из клипа «Алисы»: «Новой вла-

сти нужен порох, старой власти нужен ток, той и этой верховодит молох, кровью пополняя исток реки с названием „грязь“». Он брезгливо перенёс оппозиционные журнальчики из почтового ящика в мусоропровод.

* * *

Майор, оказывается, уже связался по телефону с Кукушкиным, проживающим в Хайфе. По словам майора, тот от всего отрекся и не признавал даже родства с Елизаветой Марковой. Но после визита местного представителя ФСБ сознался во всём, в чём было можно, в том числе и в том, что самолично познакомил Голубинниковых-младших с пришельцем (хотя представитель, разумеется, ничего об инопланетной жизни эмигранту не сообщал). «Эта страна стала моим домом, – говорил Семён Израилевич со слезами на глазах. – Я не смогу вернуться в этот бедлам...» По всей вероятности, это было ложью, поскольку у Кукушкина был преуспевающий бизнес в России, который нельзя надолго оставлять без присмотра.

Когда представитель спросил об обстоятельствах знакомства Семёна Израилевича с пришельцами, у несчастного начался эпилептический припадок, и Кукушкин был помещён в клинику. Личный врач Семёна Израилевича сообщил, что инопланетяне начали являться его пациенту во сне вскоре после переселения в Израиль, и познакомил Голубиннико-

вых с пришельцем он тоже во сне, о чём свидетельствует запись в медицинском журнале месячной давности. По мнению врача, развитие эпилепсии было связано с психологической травмой, полученной в процессе эмиграции.

Болезнь Кукушкина только запутывала следствие.

– Но не советую усматривать какую-либо мистику в различных обстоятельствах дела, – сказал майор. – Оставим это людям с неразвитым сознанием. Направленного воздействия на сны можно достигнуть с помощью не только инопланетного, но и современного земного оборудования.

Также майор сообщил, что было проверено несколько десятков храмов в черте Москвы, где теоретически раньше могли появляться Голубинниковы. Никаких следов молодых людей обнаружено не было, никто про них ничего не знал. По-видимому, они либо вообще не посещали храм, либо справляли свои религиозные нужды в Московской области и старательно заматали следы.

Ещё сотрудники ФСБ проработали все известные организации, позиционирующие себя в качестве сатанинских. Голубинниковы ни в одной из них не состояли. Однако помимо относительно заметных сект существует множество мелких подпольных сатанинских объединений, и все их, конечно, проверить абсолютно нереально.

В аэропортах и на вокзалах супруги не появлялись. Конечно, они могли покинуть столицу и другим способом, автостопом, например. Но многолетняя интуиция подсказыва-

ла майору, что Голубинниковы никуда не уезжали, и надо тщательнее прорабатывать связи в Москве.

Про визит пришельца Иваненко своему начальнику так и не рассказал.

Глава 7

Первая любовь

Иваненко пришёл домой в одиннадцатом часу.

– Ну, рассказывай, ма, не тяни! – заявил он с порога, увидев хитрую улыбку на губах матери. – Познакомилась с кем-нибудь?

– Лучше! – засмеялась Людмила Петровна. – Посмотри, кто сидит у нас на кухне!

Пётр с замиранием сердца вбежал на кухню.

– Господи! – не сдержал эмоции милиционер.

Да, это было покруче инопланетянина! На табуретке, поджав под себя одну ногу и скромно улыбаясь, сидела Светка в юбке и в платке!

– Что ты с собой сделала? – возмутился Пётр Исаакович. – Где джинсы, где футболка? А это что? – Он заметил, что из-под косынки выбивается длинная прядь волос. – Ты что, волосы отрастила?!

– Петя, прости, что три года не звонила! У меня в жизни были серьёзные изменения...

– Понятно, – разочарованно протянул Пётр. – Дети уже есть?

– Будут, обязательно будут. Но надеюсь, что от тебя...

Пётр выпил вторую рюмку коньяка и только после этого пришёл в себя. Людмила Петровна деликатно удалилась к себе в комнату, выставив побольше продуктов на стол.

— Значит так. Меня назначили следователем, так что давай всё, как на допросе.

На «жучки» ему было наплевать. Всё равно майор всё прознает.

— Ну, у меня никого не было всё это время, — сказала Света. — Из НИИ я уволилась, работаю менеджером в магазине бытовой техники.

— Почему не звонила?

— Ты ведь тоже не звонил...

— Я — мужчина, мне гордость не позволяла.

— Ну а я была ещё гордее тебя.

— А теперь нет?

— Теперь, наверно, тоже.

— И вот так вот сходу пришла делать мне предложение на тебе жениться? Как-то это с твоими принципами не совсем сочетается...

— А я поменяла свои принципы.

— Хорошо. О каких изменениях в твоей жизни ты говорила?

— Я была совсем приземлённая, практичная... У мужчин,

особенно у молодых, обычно широкая душа. Ну да, они могут стать со своей широкой душой алкоголиками... А вот молодых женщин очень мало с широкой душой, они все слишком примитивные, малодушные, материалистичные. Развитие личности идёт по-другому. Молодых мужчин в десять раз больше с широкой душой, чем женщин. К старости приходит мудрость, и положение немного выравнивается... Так вот, когда мы с тобой встречались, я, как и все мои подруги, была абсолютно приземлённая и практичная. Не заглядывалась на небо. И тогда небо взяло и заглянуло ко мне. Внутрь меня.

– Каким образом?

– Это сложно объяснить. После того, как мы с тобой расстались, я какое-то время жила по инерции. А однажды обнаружила себя на крыше. С семнадцатого этажа всё кажется таким маленьким. Небо, наоборот, огромное и звёздное. Ступаешь по парапету и смотришь на это небо. А оно разговаривает с тобой. Оступишься – и превратишься в лепёшку на асфальте. Но небо ведёт тебя.

Светлана замолчала.

– Ты что, хотела покончить с собой? – спросил наконец Пётр.

– Да. А как ты узнал?

– Света, Света! В этом небе обитают омерзительные твари. Говорю тебе это чисто теоретически, – покосился он в сторону «жучка».

– Откуда ты это знаешь? – удивлённо спросила Света.

– Просто предположение неудавшегося философа.

– Но за ними, Петенька, за этими тварями, целое море света! Надо только суметь пробить к нему туннель!

– Ты говоришь о подпространственном перемещении? – поинтересовался Пётр.

Света захлопала глазами:

– Я думала, что я приземлённая!

– Да вот, становлюсь понемногу прагматиком. И к какой религиозной организации ты примкнула?

– По-моему, и так ясно.

– И они требуют, чтобы ты немедленно вышла замуж и родила детей?

– Вообще-то это – моё свободное решение.

– Понятно, что свободное. А что ж они подходящего жениха тебе не нашли?

– Это тоже так сразу не объяснишь. Боюсь, что у меня нет выбора. Либо ты, либо никто.

– Хорошо, будем говорить по-деловому. Я не уверен, что хочу создать с тобой семью. Тем более на данном этапе моего карьерного роста.

– Я буду ждать, сколько надо.

Иваненко хлопнул ладонью по столу.

– Всё, Свет, давай лучше о политике поговорим, анекдоты там порассказываем, друзей общих вспомним. Идёт?

– Как хочешь, – сказала Светлана и немножечко, самую

капельку, надула губы. Тут, как по волшебству, на кухне появилась Людмила Петровна.

* * *

Иваненко предполагал, что Света не прочь с ним переспать, да ещё так, чтобы в результате этого забеременеть, и думал, как будет отмазываться. Более того, он полагал, что об этом же мечтает и его мать. Но едва минула полночь, Светлана засобиралась домой, мол, метро скоро закроют.

Он проводил свою бывшую возлюбленную до стеклянных дверей подземки и кружным путём отправился домой. Света выполнила его просьбу и ни о чём серьёзном больше на заговаривала. Дала свой новый мобильный телефон и просила звонить, если она ему понадобится.

Он попытался переключиться и стал вспоминать свой разговор с майором. Тот никаких конкретных инструкций в этот раз не дал. Несколько раз повторил: «Прорабатывайте связи, Пётр Исаакович, прорабатывайте связи!» Ежу ясно, старый жук знает больше, чем говорит. Может быть даже, знает всё. Но тогда зачем он затеял эту глупую игру? Проверяет на вшивость? Или хочет подставить?

Так, давайте рассуждать логически. Неужели инопланетяне околачиваются здесь несколько лет, а ФСБ до недавнего времени о них ничего не знало? С другой стороны, у пришельцев развитая технология, есть свои козыри в рукаве. Ре-

бята могли обвести вокруг пальца и фээсбэшников.

В любом случае, есть ли у Петра Исааковича Иваненко выбор? Похоже, что нет. Хотя Мыслетворцев говаривал, что «выбор всегда есть, даже если этот выбор смертельный».

Когда Иваненко учился в институте, доцент (а теперь, наверное, уже профессор) Мыслетворцев раз в неделю собирал у себя дома студентов, которых отбирал по одному ему ведомому признаку. Поил хорошими напитками, досыта кормил и занимал интересными беседами. Во всём институте преподаватель прослыл нестигаемой личностью с железными принципами, и его побаивался даже ректор. Но какие это были принципы, вычислить с точностью никто не мог, да особенно и не пытался. И вот теперь у Иваненко закралась идея относительно религиозно-философских воззрений учёного, которые тот тщательно скрывал.

А что Светлана? Говорит: «по-моему, и так ясно». Да ничего, моя милая, не ясно! Все не те, за кого себя выдают. Напялила платочек и юбочку? Надела бюстгальтер и свободную кофточку? Хочешь нарожать детишек? Да ты можешь быть кем угодно! От неудачницы, которая даже с хорошей фигурой не смогла найти себе нормального мужика, до мунитки, мечтающей родить хоть одного ребёночка от девяностолетнего косоглазого старикана – «Господа Второго Пришествия и Истинного Родителя»,³ по его собственному заявлению.

---

³ Имеется в виду Мун Сон Мён – основатель и руководитель секты под названием «Церковь Объединения».

Вдруг нехорошие ироничные мысли куда-то ухнули, и Пётр осознал, что стоит перед дверями неизвестной ему часовенки, закрытой по причине ночного времени. Он словно очнулся от какого-то наваждения. Света – его первая любовь. Почему он перестал ей доверять? Потому что она сильно изменилась? Но изменилась она в лучшую сторону. Стала задумываться о небе. Как она сказала? «Небо заглянуло внутрь меня»? Нет, это не похоже на сектантский штамп. Её заинтересовала философия.

Да, у них со Светой отношения развивались не слишком бурно. Не как у Ромео и Джульетты. Не было бросания в омут, отречения от прошлой жизни и т. п. Но всё равно, она – его первая любовь. И, возможно, последняя. Любовь была! Немножко рациональная, немножко практичная, но с принятием недостатков другого и с самопожертвованием, наступанием на свой эгоизм. И эта любовь не утеряна безвозвратно, она жива, только руку протяни и ощути её дыхание. И как это ни удивительно, но они сохранили верность друг другу. Почему Света появилась в его квартире именно сейчас, когда события развиваются так стремительно, и будущее Иваненко туманно?

Он стал отходить от часовни, и мерзкие мысли снова полезли в голову. Осознав это, Пётр вернулся и стал прогуливаться рядом с часовенкой взад-вперёд. Вскоре он почувствовал любовь и к майору, и к Алексею с Ольгой, и даже к Булыгину с Кривовым.

«Шалят нервишки-то, шалят!» – раздался голос у него за спиной. Иваненко резко обернулся, но улица была пустынна. Он быстрым шагом направился домой.

У автобусной остановки кого-то били ногами трое кавказцев. «Стоять, милиция!» – крикнул следователь, выхватывая пистолет. Но кавказцы, как трусливые павианы, резво юркнули в темноту.

Иваненко помог человеку подняться и услышал знакомый до боли голос своего лучшего друга.

– Моя милиция меня бережёт? – ухмыльнулся Вадик. – Какими судьбами?

– Да вот, провожал девушку, возвращаюсь домой, а на автобусной остановке какого-то придурка «чёрные» дубасят...

– Право, не стоило беспокоиться, я бы и сам как-нибудь... – паясничал Вадим, подбирая выбитую из руки монтировку. У тротуара стояло его такси с распахнутыми дверцами.

– Опять не заплатили?

– Угадал. Уроды чернож...е! Любят кататься за чужой счёт.

– Уходил бы ты из этого бизнеса, старик! – приговаривал Пётр, бережно усаживая друга на сиденье. – В этом-то бизнесе, да с твоим характером! Удивляюсь, как ты ещё жив до сих пор...

– Сам удивляюсь. Садись, подвезу. Ты куда запропал? Сто

лет в бильярдную не ходили!

– Ну, по поводу ста лет, это ты загнул. Никак не больше полутора месяцев.

– Ври больше! Последний раз в июне рубались, ещё жара тридцатиградусная стояла! А о какой такой девушке шла речь?

– Светка объявилась.

– Мать моя обезьяна! Это дело надо обмыть! Кончится смена, я к тебе заеду. В седьмом часу утра – самое оно мозги прочистить. Как поёт твой БГ, «рано с утра, пока темно и мир ещё в постели, чтобы понять, куда идти, чтобы понять, зачем идти, без колебаний прими сто грамм и ты достигнешь цели».

– Ты чего, дальше работать собрался? Псих! Кровь хоть с морды сотри, а то всех клиентов распугаешь.

– Большинство моих клиентов сейчас в таком состоянии, что на каплю-другую крови внимания решительно не обратят.

Вадик припарковался у нужного подъезда.

– Ну так чего, заезжать с утричка?

– Не надо, Вадь, за такие дела с меня на работе семь шкур сдерут.

– Как знаешь. Всё, пакеда, завтра вечером позвоню, всё расскажешь. Ни пуха ни пера!

– Ма, ты ещё не спишь? – удивился Пётр, разглядев силуэт своей родительницы в полутёмной прихожей.

– А ты как думаешь, сынок?

– Я думаю, ты хочешь заступиться за Свету.

– Нет, сынок, она в этом не нуждается. Знаешь, какая сила воли нужна современной женщине, чтобы сделать предложение мужчине?

– Или зомбирование...

– Не болтай ерунды! Вот сейчас возьму ремень и отлуплю тебя!

– А что она тебе рассказала до того, как я пришёл?

– Что духовник у неё кардиолог, главврач больницы и по совместительству священник. Что велел ей выйти за тебя замуж, чтобы искупить её любодейство с тобой. А больше ничего особенного.

– Как-то это всё неправильно...

– А что правильно?! – взъерилась вдруг Людмила Петровна. – Трахаться, как кошки, а потом разбежаться? А потом опять сходиться, трахаться, и снова разбежаться? Жить так, как живёт это безмозглое стадо, колыхаемое волнами?

– Мама, мама! Какое стадо?! Где твоя толерантность? Зачем осуждать этих несчастных жалких людей, у которых три радости в жизни: водка, секс и телевизор? Они сами себя

осудили и приговорили.

– Так зачем же им уподобляться?

– Отношения между мужчиной и женщиной – очень сложное дело. В глубине души я всё ещё люблю Свету, но она мне показалась... как бы это сказать... немного фанатичной.

– Она нормальная. Это ты потихоньку делаешься фанатиком. Подумай об этом, сынок! – поставила точку в разговоре Людмила Петровна и удалилась в свою комнату.

Глава 8

Профессор Мыслетворцев

Уже четвёртую ночь кряду Петру снился необычный сон. Он сдавал энкавэдэшникам Вадика, Свету и свою собственную мать. Все трое – предатели Родины, все трое должны быть расстреляны! «Павлик Морозов жив!» – пел «Крепаторий». Да, он жив! Он жив в каждом из нас и будет жить вечно! Родина нам дороже родителей! Родина обеспечивает нас всем необходимым, Родина подарит нам вечную славу! Когда все от нас откажется, когда мы будем отстранены от управления именем, Родина примет нас в дома свои! Нет больше той любви, как если кто душу положит за свою Родину и за её вождей!

И вот две женщины и мужчина стоят лицами к стене. К затылку его матери подносится револьвер. «Остановитесь!» – кричат эмоции внутри Иваненко. Но разум сильнее их. Разум понимает: если он не отречётся от отца и матери, от братьев и сестёр, от супруги и детей во имя Родины, не будет ему посмертной славы в счастливом коммунистическом обществе.

«Отменить расстрел!» – говорит кто-то за его спиной. Иваненко оборачивается и видит самого вождя. Иосиф Виссарионович затягивается трубкой и пристально смотрит на Петра.

– Что же это вы, голубчик, мать родную не пожалели? – медленно произносит вождь.

– Служу Советскому Союзу! Моя мать – Родина! Широка страна моя родная! – запинаясь, отвечает Иваненко.

Сталин грозно смотрит на него, и вдруг усы вождя отрываются от лица и несутся Иваненко прямо в сердце, на лету превращаясь в два острых клинка...

* * *

С утра Иваненко отправился к метро и позвонил из автомата одному из институтских знакомых, который, по его предположению, мог до сих пор общаться с Мыслетворцевым. Так оно и было. Знакомый дал номер мобилы преподавателя, сказал, что тот год назад защитил докторскую, и попросил больше так рано его не беспокоить.

Пётр тут же стал звонить из автомата Мыслетворцеву. Ему надо было посоветоваться с умным человеком, а информировать майора об этом не хотелось.

Профессор предложил встретиться в кафе в перерыве между лекциями.

* * *

Мыслетворцев не располнел, как большинство его собра-

тьев в этом возрасте. Он был по-прежнему тощим, длинным, безукоризненно выбритым и подстриженным, одетым в хороший костюм. Лёгкая улыбка всезнающего человека играла на его губах. Ему бы в депутаты или министры! Но он ведь терпеть не может политиков.

– Так о чём же, батенька, вы хотели со мной побеседовать? – спросил профессор.

– О башмаках, о кораблях, о сургучных печатях, о капусте и о королях. Но в первую очередь о пришельцах. По вашему мнению, существует внеземная жизнь?

– По моему мнению, существует. Неужели, батенька Пётр Исаакович, вам довелось с ней столкнуться?

– Вы очень проницательны, Анатолий Сергеевич. Но, к сожалению, я не могу напрямую отвечать на все ваши вопросы. Вас же подставлять не хочу.

– Хорошо, поработаю Шерлоком Холмсом – буду мыслить дедуктивно, – усмехнулся Мыслетворцев. – Итак, вы служите в милиции, а милиционерам иногда приходится сталкиваться с такими вещами. После этого к ним приходят дядечки в штатском и предлагают сотрудничество. Второй вариант – их упрятывают в психушку. Вы не в психушке, следовательно завербованы. Но вы пытаетесь вырваться из-под навязчивой опеки. Как у нас обстоят дела с хвостом?

– Не заметил.

– Надеюсь, вам хватает профессионализма на то, чтобы отследить даже многозвеньевой хвост. В противном случае

дядечки в скором времени попробуют и меня завербовать. Хотя, признаюсь, они уже не раз пытались это сделать, да безуспешно... Ладно, к делу. Что именно вы хотите узнать о пришельцах?

– Например, откуда у вас такая уверенность в их существовании?

– Учитывая размеры вселенной, вероятность существования внеземной разумной жизни очень велика. Также велика вероятность существования развитых гуманоидных форм, которые освоили межзвёздные перелёты. Весь вопрос в том, почему эта жизнь явно не обнаруживает себя на Земле. Ответ прост: она не желает этого делать. Другие ответы натянуты и несостоятельны. Объяснение, что земные правительства скрывают присутствие пришельцев, не выдерживает никакой критики. Оно предполагает, что пришельцы стали посещать нашу планету только в середине двадцатого века, то есть что их почему-то заинтересовали плоды научно-технического прогресса. Даже ребёнку понятно, батенька, что это – сущий бред; цивилизацию, сумевшую преодолеть межзвёздные пространства, наш так называемый прогресс не может интересовать ни с какой точки зрения. А в интеллектуально-нравственном отношении на Земле последнее столетие наблюдается вполне очевидный регресс. Итак, к чему мы пришли? Почти наверняка у нас на планете обитает внеземная разумная жизнь, она скрывает себя, но что-то ей всё-таки нужно от человеческих существ. Ей не нужны земные ре-

сурсы. Она не хочет уничтожить землян с целью заселения планеты представителями своей расы, иначе давно бы это сделала. Она по какой-то причине не может полностью подчинить себе человеческое сознание и сделать из людей рабов, хотя я лично предполагаю, что стремится к этому. Остаётся мистическое объяснение: эта жизнь питается энергией человеческой души, вероятно, худшей её части.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.